

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

Переводческий факультет
Кафедра перевода английского языка

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему:

**Передача при переводе на русский язык английских
синтаксических структур с высокой степенью распространенности**

(на материале отрывка из повести Д. Малуфа «Птичка-невеличка»)

по специальности 031202 «Перевод и переводоведение»

Автор:

ЗАСОРИНА Алина Романовна
группа 1-10-5 англ/дат

Научный руководитель:

ПСУРЦЕВ Д.В.
профессор кафедры перевода английского языка,
доктор филологических наук

Рецензент:

ЛИТВИНОВА М.Д.
профессор кафедры перевода английского языка

МОСКВА 2012

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Явление распространения с позиций лингвистического переводоведения	6
1.1. Понятие распространенности в англистике и русистике.....	6
1.2. Степени распространения предложения	11
1.3. Характеристика автора с точки зрения длины предложения, типичных синтаксических конструкций и распространенности	14
1.3.1. Оценка сложности переводимого отрывка	15
1.3.2. Фактор длины предложения.....	16
1.3.3. Типичные распространенные конструкции в анализируемом отрывке	17
1.3.4. Типичные распространенные конструкции у В.В. Набокова	18
1.4. Типология синтаксических преобразований в отечественном переводоведении	21
Глава 2. Анализ переводов конструкций с высокой степенью распространенности	24
2.1. Алгоритм анализа предложений.....	24
2.2. Предложения с третьей и четвертой степенью распространенности.	25
2.3. Предложения с пятой степенью распространенности	31
2.4. Предложения с максимально высокой (для переводимого отрывка) степенью распространенности	36
2.5. Выводы по Главе 2.	42
Заключение	46
Библиография.....	47

Приложение 1. Перевод	отрывка из повести Д. Малуфа
«Птичка-невеличка».....	49
Приложение 2. Текст оригинала	85

Введение

Темой данной работы является перевод синтаксических структур с высокой степенью распространенности, который представляет собой серьезную трудность. Актуальность данного исследования объясняется тем, что подобные синтаксические структуры встречаются в переводческой практике довольно часто, однако эта практика еще недостаточно осмыслена с теоретической точки зрения, в особенности в связи с проблемой соотношения общеязыковых и авторских черт синтаксиса художественного прозаического текста.

Для перевода нами была выбрана повесть Д. Малуфа, современного австралийского писателя, который награжден несколькими литературными премиями и известен не только в своей родной стране, но и во всем мире. Произведение именно этого автора взято для нашего исследования не случайно. Прозе Д. Малуфа свойственно сочетание логического и эмоционального начал, глубокий психологизм повествования, что и определяет наличие в его работах большого числа синтаксических структур с высокой степенью распространенности.

В Главе 1 мы опишем, как трактуется понятие распространенности в отечественной и зарубежной лингвистике, определим критерии распространения, типичные распространенные конструкции в английском и русском языках, а также рассмотрим типологии синтаксических преобразований, разработанные исследователями.

Далее в Главе 2 мы проведем анализ перевода синтаксических конструкций с высокой степенью распространенности на конкретных примерах, что позволит нам описать определенные факторы,

обуславливающие применение переводческих трансформаций, а также переводческие решения, принимаемые в тех или иных случаях. Мы также попробуем определить различные степени обязательности преобразований и в заключение выскажем некоторые рекомендации переводчикам.

Глава 1. Явление распространения с позиций лингвистического переводоведения

1.1. Понятие распространенности в англистике и русистике

Прежде всего, стоит определиться с тем, что в синтаксисе понимается под распространенностью, и что мы будем понимать в нашей работе под распространенным предложением. Рассматривать мы будем именно предложение, так как оно является основной единицей синтаксического анализа и включает в себя другие синтаксические структуры (конструкции), которые также могут иметь высокую степень распространенности, но перевод которых нельзя рассматривать отдельно, а лишь в контексте целого предложения.

В грамматике русского языка «нераспространенным называется предложение, имеющее только позиции главных членов – подлежащего и сказуемого» [Н.С. Валгина, 2000], а распространенным, соответственно, то предложение, в котором помимо главных членов представлены и второстепенные.

В своем учебнике по теоретической грамматике английского языка М.Я. Блох приводит следующее определение распространенного и нераспространенного предложений:

“We define the unexpanded simple sentence as a monopredicative sentence formed only by obligatory notional parts. The expanded simple sentence will, accordingly, be defined as a monopredicative sentence which includes, besides the obligatory parts, also some optional parts, i.e. some supplementive modifiers which do not constitute a predicative enlargement of the sentence” [М.Я. Блох, 1983, с. 273].

Так как под *obligatory notional parts* понимаются подлежащее и сказуемое, можно заключить, что суть определений одна и та же.

Однако существует и другой, более широкий подход к определению понятия нераспространенного, а, следовательно, и распространенного предложений, в основе которого лежат не члены предложения, а конструктивно значимые элементы (Г.Г. Почепцов). Именно за счет них и образуется ядерное предложение (ядро предложения/усеченное предложение). Конструктивная значимость того или иного элемента предложения устанавливается пробой на опущение. Усеченное предложение должно удовлетворять следующим требованиям: оно должно быть грамматически правильным, а его компоненты должны сохранять неизменными свои структурные и лексические характеристики. Кроме того, еще одним неперенным условием является «сохранение предложением, в его свернутом виде, типа исходного предложения» [Г.Г. Почепцов, 1971, с. 49]. Таким образом, можно говорить о двух типах предложений – ядерном предложении, которое может быть распространено в «полное», и предложении, состав которого ядром не ограничивается. Соответственно, предложение, включающее только элементы ядра, определяется как нераспространенное, а предложение, состав которого не ограничен ядерными элементами, как распространенное. На первый взгляд может показаться, что данное определение ничем не отличается от приведенных вначале, однако это не так. Рассмотрим это на простом примере: предложение *He was reading a book*, согласно первому подходу, будет считаться распространенным, а с точки зрения второго оно будет представлять собой ядерное предложение, то есть нераспространенное.

Рассмотрим, как происходит распространение согласно каждому из этих двух подходов.

Согласно Н.С. Валгиной, «предложение может быть распространено согласуемыми, управляемыми и примыкающими словоформами (по правилам присловных связей), входящими в предложение посредством

словосочетаний, или словоформами, относящимися ко всему предложению в целом» [Н.С. Валгина, 2000]. Распространители предложения в данном случае принято называть «детерминантами» (термин Н.Ю. Шведовой). Как правило, ими являются «различные обстоятельства и дополнения, выражающие семантический субъект или объект» [там же]. Детерминанты могут входить в предикативную основу предложения и распространять состав сказуемого или подлежащего или распространять основу предложения в целом.

Второй подход (Г.Г. Почепцов) основан на совершенно другом принципе: здесь распространение достигается не за счет второстепенных членов, а в результате различных синтаксических процессов. Основными из них являются: расширение, усложнение, совмещение, развертывание, присоединение, включение.

Процесс расширения «заключается в добавлении к некоторой синтаксической единице других элементов того же синтаксического статуса и общей синтаксической связи в структуре предложения, в их нанизывании одна к другой» [Г.Г. Почепцов, 1971, с. 116]. Этот процесс основан на рекурсивности.

Совокупность элементов, которые связаны отношением расширения, может быть рассмотрена «как единый, но расширенный член предложения и как последовательность синтаксических элементов общего синтаксического статуса и связи» [там же, с. 116]. Самый простой вид расширения – повторение члена предложения или его составной части. Например, в предложении *She **waited and waited**, the feeling of living a nightmare that had been with her ever since Thursday intensifying [Janet Tanner, Folly's child]* процесс расширения относится к сказуемому, а в предложении *Ninety per cent of accidents are caused by people going too fast and there is **never, never** an excuse for speed [Social material]* – к обстоятельству (примеры из [National English Corpus]).

Однако чаще элементы, которые находятся друг с другом в отношениях расширения, хотя и имеют одинаковый синтаксический статус, характеризуются различным лексическим наполнением. Примером такого расширения может служить предложение *Keibel smiled, then leaned back in his chair, hands clasped behind his head* [Ray Harrison, *Patently murder*] (пример из [National English Corpus]).

Второй процесс, усложнение, представляет собой превращение простой синтаксической структуры в сложную, т.е. такую, в которой составляющие элементы взаимно зависимы синтаксически. Например, усложнением может считаться превращение структуры *They drive in the Park at five* в *They kept driving in the Park at five* или *They are said to drive in the Park at five* (примеры из [Г.Г. Почепцов, 1971, с.133]).

Совмещение (контаминация) представляет собой своеобразное «скрещивание», «слияние двух разновидностей члена предложения» [Там же, с. 160]. Иллюстрацией этого синтаксического процесса может служить предложение *She lay awake for a long time, not thinking so much as working a treadmill of words* [Herbert Ernest Bates, *The quiet girl*] (примеры из [National English Corpus]).

Развертывание – модификация одного члена предложения другим, основанная на синтаксической зависимости. Например, предложение *He gave a look* можно распространить в *He gave an angry look*, применив процесс развертывания к *a look*. *A look* и *an angry look* занимают одинаковую позицию в структуре предложения. Если представить процесс развертывания в виде формулы, то она будет выглядеть следующим образом $X \rightarrow X Z$. Для рассмотренного выше примера это будет $N \rightarrow A N$. Возможны также и другие варианты развертывания: $V \rightarrow V D$, $A \rightarrow D A$, $A \rightarrow N A$, $D \rightarrow D D$ и $St \rightarrow D St$.

Присоединение схоже с развертыванием тем, что этот процесс предполагает выход за рамки члена предложения. Присоединение также является модификацией членов предложения, однако, в отличие от развертывания, здесь модификаторами выступают элементы, которые не

обладают статусом членов предложения. Примером действия этого синтаксического процесса может служить предложение *And yet in many respects it was **just the same** kind of Christmas that she and her family had always known back home in Scotland [John Cairney, *Worlds apart*]* (пример из [National English Corpus]).

Включение связано «с внесением в состав предложения вводных элементов, таких, как, например, модальные слова и их функциональные эквиваленты» [Г.Г. Почепцов, 1971, стр. 168]. Данный процесс отличается от развертывания и присоединения тем, что здесь не предполагается синтаксической зависимости между элементами. Можно привести следующие примеры предложений, содержащих включенные элементы: *Unfortunately, since there are so many possible explanations, the correct one is most difficult to ascertain [Waterhouse, J M; Waterhouse M E, *Your body clock: how to live with it*]* или *This young woman, however, did not believe this course of action would solve anything [Robert Black, *Orkney: a place of safety?*]* (примеры из [National English Corpus]). Обращения также относятся к включенным элементам.

Нам представляется, что оба подхода к определению распространенного предложения – традиционный и конструктивно-трансформационный – имеют свои преимущества.

К достоинствам традиционного подхода можно отнести то, что он является более удобным и практичным для анализа предложений. Он универсален и может применяться при анализе языков, имеющих значительные отличия в области грамматического строя. К преимуществам конструктивно-трансформационного подхода относится то, что в нем отражены некоторые случаи распространения, которые не учитываются в традиционном подходе. Также конструктивно-трансформационный подход дает нам понимание того, по какому пути шло распространение. Впрочем, вряд ли можно установить связь между типом распространения (по Г.Г. Почепцову) в оригинале и способом перевода, можно лишь предположить,

что для выражения аналогичной мысли в другом языке могут использоваться другие, лишь частично схожие, способы распространения. Это связано с различиями типологии языков (английского и русского), а также с известной степенью асимметричности их синтаксических систем.

1.2. Степени распространения предложения

Так как данное исследование посвящено структурам с высокой степенью распространенности, а не распространённым предложениям в целом, следует определить, что же мы будем относить к таким структурам (конструкциям). Для этого требуется выделить критерии степени распространенности.

Вполне очевидно, что предложения могут быть распространены по-разному и в разной степени. В целях нашего исследования представляется целесообразным говорить о ширине распространения и глубине распространения.

Говоря о распространении предложения вширь, мы будем иметь в виду, что элементы, распространяющие предложение, находятся на одном уровне подчинения, т.е. здесь будут рассмотрены следующие случаи:

- 1) Несколько однородных синтаксических единиц подчиняются одному слову.
- 2) Разнородные синтаксические единицы подчиняются одному и тому же слову.

Если у нас имеется один главный и один подчиненный элемент, то речь будет идти о первой степени распространения вширь. Соответственно, если подчиненных элементов на одном уровне будет два, то можно говорить о второй степени распространения данного типа, если три – о третьей, и так далее.

Теперь перейдем к распространению предложения вглубь. Говоря об этом типе распространения, мы будем иметь в виду, что элементы, распространяющие предложение, находятся на более чем одном уровне

подчинения, т.е. у подчиненных элементов есть, в свою очередь, зависимые единицы. Таким образом, если у одного из подчиненных элементов есть зависимая единица, мы говорим о первой степени распространения вглубь. Если у этой зависимой единицы есть еще одна своя зависимая единица, о второй степени распространения вглубь, и так далее.

Однако чаще всего предложения распространены одновременно и вширь, и вглубь.

Проиллюстрируем вышеуказанные виды распространения примерами из повести Д. Малуфа.

Рассмотрим для начала довольно короткое предложение: *He had been watching it for nearly an hour with a pair of field-glasses provided by Ashly Crowther.*

Определить степени распространения здесь достаточно просто.

Что касается распространения вширь, то в данном предложении мы наблюдаем третью степень распространения этого типа, так как здесь присутствует ряд разнородных синтаксических единиц, относящихся к одному и тому же слову, то есть сказуемому (дополнение *it*, разнородные обстоятельства *for nearly an hour* и *with a pair of field-glasses*).

Также предложение распространено и вглубь, так как здесь мы наблюдаем определение (*provided by Ashly Crowther*), подчиненное зависимому элементу (*field-glasses*). У этого определения нет больше зависимых синтаксических единиц, поэтому мы можем заключить, что для данного предложения характерна первая степень глубины распространения. Таким образом, перед нами предложение с третьей степенью ширины и первой степенью глубины распространения.

Теперь рассмотрим более длинное предложение (речь в нем идет об аэроплане): *He watched it out of the corner of his eye and resented its bulk, the lack of purpose in its appearance and disappearance at the tree line, the lack of pattern in its lumbering passes, and the noise it made, which was disturbance and new.*

Чтобы определить степень распространения этого предложения вширь, рассмотрим однородные элементы, находящиеся на определенном уровне подчинения (дело в том, что распространение в ширину может проходить сразу на нескольких уровнях, которые не совпадают со степенью распространения вглубь). В данном случае на первом уровне подчинения ими будут однородные дополнения *its bulk, the lack of purpose, the lack of pattern, the noise*. На втором уровне подчинения мы также обнаруживаем однородные члены – это определения к *the noise – it made* и *which was disturbance and new*, а также однородные обстоятельства, относящиеся к *lack of purpose – in its appearance and disappearance*. Таким образом, получается, что на первом уровне мы наблюдаем четвертую степень распространения, а на втором – вторую и третью.

Что касается глубины распространения данного предложения, то здесь мы говорим о второй степени глубины распространения, потому что элементы, зависящие от главных членов предложения (например, вышеуказанные однородные дополнения) имеют подчиненные элементы (*in its appearance*), а тем в свою очередь подчиняются другие синтаксические единицы (например, к *appearance* и *disappearance* относится обстоятельство *at the tree line*).

В нашем исследовании мы будем считать, что если предложение имеет степень распространенности (вглубь или вширь) от третьей, то оно будет считаться предложением, имеющим высокую степень распространенности. Если при этом предложение будет еще и сложным (здесь мы имеем виду сочинительную связь, так как подчинительная обычно укладывается в рамки одного из видов распространения – вширь или вглубь), то это будет создавать дополнительные трудности при переводе. Однако надо сказать, что сам по себе фактор сложносочиненности (для русского языка сочинительный тип связи является типичным и частотным) к возникновению переводческих трудностей не приводит.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, можно заключить, что наиболее трудными для перевода являются предложения с сочинительной и подчинительной связью одновременно, характеризующиеся высокой степенью распространенности вглубь и вширь.

1.3. Характеристика автора с точки зрения длины предложения, типичных синтаксических конструкций и распространенности

Произведения Д. Малуфа можно отнести к интеллектуальной прозе, так как в них сочетаются логическое и эмоциональное начала. При этом прозе Д. Малуфа свойственна скорее статичная созерцательность, чем динамичное развитие событий; ей также свойственен психологизм. Все это ведет к тому, что в тексте появляется большое количество описаний природы, обстановки, чувств, взаимоотношений и пр. Кроме того, автор – поэт, поэтому в тексте также наблюдается поэтическое изобразительное начало, которое реализуется, в конечном счете, тоже в описательности. Даже динамические ситуации представлены так образно, что описательное начало преобладает над событийным.

Именно с описательностью и связано наличие в данном произведении большого числа конструкций с высокой степенью распространенности.

В то же время, для перевода важен еще и такой фактор, как длина предложения, так как в русском языке не всегда возможно сохранить предложение аналогичной длины и степени распространенности. Поэтому имеет смысл охарактеризовать стиль произведения в следующей последовательности:

1) Рассмотреть фактор длины предложения. Соотнести данное произведение Д. Малуфа с другими его произведениями, чтобы определить, относятся ли предложения с повышенной длиной к общим авторским чертам писателя или являются особенностью данного конкретного произведения.

2) Рассмотреть распространенные предложения в данном произведении. Выделить наиболее типичные модели распространенных конструкций (короткие/длинные, простые/сложные), которые наличествуют у данного автора. Установить, насколько это является особенностью индивидуального стиля Д. Малуфа.

3) Рассмотреть произведения русского «условно аналогичного» автора (В.Набокова), который также часто использует конструкции с высокой степенью распространенности. Определить, какие модели распространенных конструкций типичны в этом случае для русского языка.

4) Проанализировать способы перевода (Пункт 4 составит следующую главу нашего исследования).

1.3.1. Оценка сложности переводимого отрывка

Итак, попробуем определить степень сложности переводимого отрывка в целом. Для этого применим формулу удобочитаемости, разработанную Рудольфом Флешем (R. Flesch, 1948). Некоторые промежуточные данные также выявят определенные характерные черты данного текста.

Эта формула была создана именно для английского языка, для других языков используются ее модификации. Благодаря ей можно спрогнозировать легкость чтения текста. Выглядит она следующим образом:

$$FRE = 206.835 - (1.015 \times ASL) - (84.6 \times ASW),$$

где:

ASL – средняя длина предложения (в словах)

ASW – средняя длина слова (в слогах)

Для начала определим среднюю длину предложения переводимого отрывка и заодно сравним ее со средней длиной предложения для английского языка в целом. Ранее считалось, что для английского эта цифра равна 14, 3, однако, более поздние статистические данные приводят цифру в 15-20 слов [R.Flesch, 1979]. В переводимом тексте насчитывается 11 312 слов и 603 предложения, соответственно, величина ASL для него будет равна

приблизительно 18,76, то есть она укладывается в рамки той же современной величины для языка в целом.

Средняя длина слова для данного отрывка будет приблизительно 1.37 (на основе нескольких случайных выборок по 100 слов). Теперь у нас имеются все необходимые данные для расчетов.

$$FRE = 206,835 - (1.015 \times 18.76) - (84.6 \times 1.37)$$

$$FRE = 71,895$$

Для английского языка этот индекс обычно равен 0-100, причем, чем выше полученная цифра, тем легче читается текст. Самыми сложными для чтения являются тексты с индексом 0-30. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на обилие длинных предложений, в целом текст читается легко.

Однако раз нам не удалось выявить трудности на уровне целого отрывка, попробуем сделать это на уровне отдельных предложений, для чего следует посчитать процент предложений, длина которых превышает среднюю, то есть 20 слов (для сравнения, средняя длина предложения в русском языке меньше – 10,38 слов [С.А. Шаров, О.Н. Ляшевская, 2009]).

В данном отрывке длина чуть более трети (202 из 603) предложений превышает среднюю длину предложения, характерную для английского языка, причем наибольшая концентрация таких предложений приходится на отрезки текста, содержащие описания. Для этих же отрезков текста характерны и самые длинные предложения (до 192 слов).

1.3.2. Фактор длины предложения

Теперь сравним данную повесть Д. Малуфа с другими его произведениями, в частности, с рассказом «A Medium», для которого также характерна описательность. В данном случае нас будет интересовать фактор длины предложения.

В рассказе «A Medium» для большинства предложений также характерна длина выше средней. Однако если сравнивать этот рассказ с теми отрезками

переведенной повести, которые содержат описания, то можно заметить, что для предложений в повести характерна *большая* длина. Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование предложений повышенной длины характерно для всего творчества Д. Малуфа. Однако употребление предложений, имеющих очень высокую степень длины, можно отнести к особенностям данного конкретного произведения. Конечно, мы рассматриваем фактор длины предложения не отвлеченно, а в связи со степенью распространения, так как обычно чем длиннее предложение, тем выше его степень распространенности, а, следовательно, тем *большую* переводческую трудность оно представляет.

1.3.3. Типичные распространенные конструкции в анализируемом отрывке

Выделим наиболее типичные распространенные синтаксические конструкции, характерные для переводимого отрывка.

Надо сказать, что большинство предложений в переводимом отрывке являются распространенными. Что касается предложений, длина которых не превышает или лишь слегка превышает среднюю, то эти предложения, в основном, являются простыми. Например: *A hundred times bigger than any hawk or eagle its appetite would be monstrous.*

Среди предложений повышенной длины встречаются разные типы предложений: и простые, и сложные, однако гораздо чаще мы сталкиваемся здесь именно со сложными предложениями.

Что касается типа сложных предложений, которые чаще других встречаются в переводимом отрывке, то это предложения сложноподчиненные, с одним или несколькими придаточными предложениями (такие предложения в переводимом отрывке составляют чуть меньше 60 % всех сложных предложений). Также в переводимом отрывке довольно часто встречаются предложения, в которых есть и подчинительная, и сочинительная связь (их около 25 %). Например: *With no preliminaries, as if*

the whole thing had just that moment taken shape in his head, he laid out his plan; and Jim, who till then had been merely drifting, and might have drifted as far as the city and become a mill-hand or a tram-conductor, saw immediately the scope of it and felt his whole life change. Типом сложного предложения, который в переводимом отрывке встречается реже всего, является сложносочиненное предложение (таких предложений здесь около 17%).

К наиболее распространенным типам сложноподчиненных предложений в переводимом отрывке относятся предложения с придаточными определительными (примерно 30% всех придаточных). Также распространены в переводимом отрывке придаточные изъяснительные и придаточные времени (примерно по 17%). Остальные типы придаточных предложений встречаются здесь гораздо реже.

1.3.4. Типичные распространенные конструкции у В.В. Набокова

Теперь проанализируем два рассказа В. Набокова («Весна в Фиальте» и «Облако. Озеро. Башня»), чтобы определить, каковы же типичные распространенные конструкции в языке писателей сопоставимого с Д. Малуфом стиля. Для В.В. Набокова также характерно употребление большого числа синтаксических конструкций с высокой степенью распространенности. Это связано с тем, что одной из особенностей творчества этого русского писателя, так же, как творчества Д. Малуфа, является описательность.

Большинство предложений у В.В. Набокова так же, как и у Д. Малуфа, распространены. Для них тоже характерна длина, превышающая среднюю. Предложения же средней длины отличны от тех, которые мы наблюдали у Д. Малуфа (у него преобладали простые предложения). У В. Набокова и среди предложений средней длины часто встречаются сложные предложения, обычно сложносочиненные. Например: *Море, опоенное и опресненное дождем, тускло-оливково; никак не могут вспениться неповоротливые волны* [В. Набоков, 1989, с. 522].

Что касается предложений повышенной длины, то тут также чаще всего встречаются сложные предложения. Здесь преобладают предложения, в которых присутствует как подчинительная, так и сочинительная связь (их около 50%). Примером такого предложения может служить следующее: *Я шел в хвосте; передо мной в трех скользких шагах шло маленькое склоненное очертание; елки молча торговали своими голубоватыми пирогами; оступившись, я уронил и не сразу мог нащупать фонарь с мертвой батареей, который мне кто-то всучил, и тотчас привлеченная моим чертыханием, с торопящимся, оживленно тихим, смешное предвкушающим смехом, Нина проворно повернулась ко мне* [В. Набоков, 1989, стр. 525]. Реже в этих рассказах можно наблюдать предложения с чисто сочинительным (26 %) или чисто подчинительным (24%) типом связи. Но, в отличие от переведенного отрывка, в которых сочинительная связь обычно все же выражается при помощи союзов, в рассказах В. Набокова часто встречается бессоюзный тип связи (часто простые предложения в составе сложного соединены «;»).

Если говорить о типах сложноподчиненных предложений, которые чаще всего встречаются в рассказах В. Набокова, то наиболее типичными здесь являются сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными (ок. 27%). Реже, но тоже довольно часто, встречаются предложения с придаточными определительными (ок. 22%) и придаточными времени (ок. 18%). Стоит отметить, что количество предложений с придаточными определительными у В. Набокова все же меньше, чем у Д. Малуфа.

Таким образом, нам удалось определить типичные распространенные синтаксические конструкции, характерные для приблизительного «аналога» идиостиля, что чрезвычайно важно для практической части, т.е. для перевода. Однако здесь следует сказать, что в практическом плане мы будем придерживаться следующей точки зрения: следуя за особенностями русского языка, не следует упрощать сложный авторский синтаксис или полностью

отказываться от синтаксических особенностей авторского стиля, чтобы текст не получился слишком стандартизованным. В то же время, сложность эта должна быть передана типичными для подобных русских текстов синтаксическими средствами (ниже мы скажем об этом принципе чуть более подробно).

Кстати, В. Набоков говорил редактору по поводу своих английских текстов: «Я буду благодарен вам, если вы искорените грамматические ошибки, но не думаю, что хотел бы, чтобы мои удлиненные предложения слишком укорачивали, или соединяли те мосты, которые мне больших усилий стоило развести. Мне хотелось бы, чтобы делали разницу между неуклюжими конструкциями (которых и впрямь стоит избегать) и некоторой нарочной – я бы сказал – извилистостью, которая принадлежит мне и которая лишь на первый взгляд может показаться неуклюжей и неясной. Почему бы читателю время от времени не дать себе труда перечитать предложение? Вряд ли его это так уж обременит» [В.Набоков, *Selected Letters*, стр. 76] (*Перевод наш – А.З.*).

То есть сам В. Набоков является сторонником подхода, при котором нужно сохранять сложность авторских конструкций.

В нашем случае такой подход можно было бы назвать преодолением стандартизации синтаксиса в переводе.

Мы имеем дело со стандартизацией, когда «в языке переводов характерные черты оригинального текста [...] утрачиваются, передаются стандартными средствами общеязыкового репертуара» [определение Г. Тури, цит. по [В.К. Ланчиков. «Топография поиска...»]. В. К. Ланчиков считает, что стандартизацию надо преодолевать, и предлагает ряд методов ее преодоления в области лексики и стилистических приемов. Мы же попробуем распространить это и на область синтаксиса.

Здесь следует упомянуть еще один вопрос, а именно разницу в типологии строя английского и русского языков. Эта разница в области синтаксиса ведет к тому, что при во многом схожем репертуаре (парадигме)

синтаксических конструкций (типов придаточных, структур) наблюдается различная частотность использования этих синтаксических конструкций. Здесь действует теория языковых спектров М.Д. Литвиновой [М.Д. Литвинова, 2002].

Таким образом, мы ставим задачу, с одной стороны, не упрощать текст в синтаксическом отношении, с другой стороны, делать это органичными средствами русского языка, соблюдая частотности и следуя теории языковых спектров.

1.4. Типология синтаксических преобразований в отечественном переводоведении

Прежде, чем перейти к практической части нашего исследования, необходимо рассмотреть типологию синтаксических преобразований, предложенную разными авторами, и определиться с тем, какой из типологий мы будем придерживаться в данной работе.

Описывая различные типологии синтаксических преобразований, мы будем опираться на реферат С.В. Бранда, где приведены точки зрения различных авторов [С.В. Бранд, 2011]. Рассмотрим некоторые из этих классификаций.

1) Л.С. Бархударов выделяет следующие типы трансформаций: перестановки, замены, добавления, опущения. Однако сам Бархударов отмечает, что такое деление весьма условно, а вышеперечисленные трансформации в чистом виде можно встретить довольно редко, так как они, как правило, сочетаются, давая начало более сложным трансформациям.

Бархударов характеризует **перестановку** как «изменение расположения языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника» [цит. по [С.В. Бранд, 2011, стр. 3.]

Если говорить о **заменах**, то этой трансформации могут подвергаться элементы разных языковых уровней, но нас будут интересовать лишь 2 типа

замен: замены членов предложения и синтаксические замены в сложном предложении.

2) А.Д. Швейцер выделяет следующие типы преобразований: замена одних морфологических средств другими, замена морфологических средств синтаксическими, замена одних синтаксических средств другими, замена морфологических и синтаксических средств лексическими и фразеологическими.

3) Типология преобразований, предложенная Я.И. Рецкером, основывается на разграничении языковых уровней. Я.И. Рецкер выделяет лексические и грамматические трансформации. К числу лексических трансформаций он относит антонимический перевод, дифференциацию, конкретизацию, генерализацию, компенсацию, смысловое развитие и целостное преобразование. Грамматические преобразования, по Я.И. Рецкеру, делятся на полные, предполагающие замену главных членов предложения, и частичные, предполагающие замену второстепенных членов. Я.И. Рецкер считает, что грамматические трансформации заключаются в том, что в процессе перевода структура исходного предложения преобразуется в соответствии с нормами языка перевода. Я.И. Рецкер пишет, что в предложении могут заменяться не только члены предложения, но и части речи, причем, как правило, эти процессы происходят одновременно.

4) В.Н. Комиссаров пишет, что наиболее часто встречаются такие типы преобразований: дословный перевод, членение предложений, объединение предложений, грамматические замены. По Комиссарову, также существует особая группа трансформаций, которые предполагают преобразование как лексики, так и синтаксических структур.

5) Л.К. Латышев предлагает разделять переводческие операции на два типа: подстановки и собственно трансформации. Трансформации Л.К. Латышев разделяет по уровням языка на категориально-морфологические, лексические, синтаксические, а также глубинные, при которых «претерпевает изменения сама схема мысли». Как и

Л.С. Бархударов, Л.К.Латышев говорит, что обычно переводчику приходится сталкиваться с сочетанием этих трансформаций, а не с трансформациями в чистом виде.

Что касается синтаксического уровня, то здесь часто применяется следующий тип трансформации: один тип синтаксической конструкции заменяется другим. Однако при переводе может использоваться и более сложный тип преобразования (глубинная трансформация), при котором изменяется не только сама языковая форма высказывания, но также и набор признаков, при помощи которых автор описывает ситуацию.

б) А.В. Федоров пишет о следующих преобразованиях: грамматические замены, членение и объединение предложений, перестановки. О членении и объединении предложений, а также о перестановках уже говорилось у других авторов, а вот понятие грамматической замены стоит рассмотреть подробнее.

Грамматические замены обусловлены существованием грамматических вариантов – конструкций, синонимичных по отношению друг к другу только в целом. Отдельные элементы подобных конструкций не синонимичны. Выбор конкретного грамматического варианта обычно обусловлен сразу несколькими факторами: типом речи, функциональным стилем, а также узким контекстом.

В нашем исследовании мы будем обращаться к классификациям различных авторов, так как ни одна их вышеперечисленных классификаций не отражает всех типов синтаксических трансформаций: некоторые из них сконцентрированы исключительно на лексических и грамматических преобразованиях, другие излишне формальны. В целях адекватного описания переводческих решений мы постараемся использовать преимущества различных классификаций.

Глава 2. Анализ переводов конструкций с высокой степенью распространенности

2.1. Алгоритм анализа предложений

В рамках анализа перевода конструкций с высокой степенью распространенности из повести «Птичка-невеличка» мы выявим, каковы же способы перевода подобных конструкций и какие преобразования чаще всего используются. Выявленные закономерности, как нам представляется, могут быть приняты во внимание и при переводе других произведений, содержащих конструкции с высокой степенью распространенности. Мы проанализировали все подобные предложения из переведенного отрывка; далее, по соображениям объема, приведен анализ лишь части (примерно 1/5) подобных предложений из оригинала и перевода.

Мы будем двигаться от анализа более простых примеров к анализу более сложных (т.е. учитывая степень распространенности предложений), при этом следуя такому плану:

1) Определить тип предложения в оригинале. Установить типы придаточных, характер связи.

2) Провести такой же анализ предложения в переводе. Определить, произошли ли какие-то изменения на этом уровне, если да, то чем они были обусловлены (например, лексическими или грамматическими особенностями языка перевода).

3) Если на предыдущем этапе были выявлены какие-либо лексические или грамматические особенности, которые повлекли преобразование синтаксической структуры, проанализировать эти особенности, установить способ их передачи.

2.2. Предложения с третьей и четвертой степенью распространности

Начнем с предложений с третьей степенью распространения, и будем двигаться в сторону увеличения степени.

1) *Ashly Crowther had sat on a log chewing a grass-stem and looked out dreamily over the swamp, and Jim recognized right off a man he could talk to, even if they said nothing at all; and had shifted his feet, unused to this, and uncertain where it might lead.*

Это предложение с высокой степенью распространности, представляющее трудности при переводе, так как в нем наличествует и сочинительная, и подчинительная связь, а также третья степень распространения вширь, причем не в одном, а в двух предложениях, соединенных между собой сочинительным союзом *and*.

Наш перевод:

В день их знакомства Эшли Краутер сидел на бревне, жуя травинку и мечтательно оглядывая болото, и Джим сразу же почувствовал в нём человека, с которым можно поговорить, хотя они еще и словом не перемолвились; Джим неуверенно шагнул навстречу Эшли, сомневаясь, однако, к чему это может привести, ведь он не был хозяином этих мест.

Как уже говорилось, в оригинале мы видим сложное предложение, в котором наличествует одновременно и сочинительная, и подчинительная связь. Если говорить о типах придаточных в исходном предложении, то мы находим тут придаточное определительное (*he could talk to*), придаточное условное (*even if they said nothing at all*) и придаточное изъяснительное (*where it might lead*).

При переводе предложение претерпело ряд трансформаций, хотя тип его остался таким же, как и тип исходного предложения – сложное предложение с сочинительной и подчинительной связью. Однако изменился тип одного из

придаточных предложений – придаточное условное в переводе было заменено на придаточное уступительное (*хотя они еще и словом не перемолвились*), а также появилось новое придаточное предложение причины (*ведь он не был хозяином этих мест*). Появление придаточного предложения причины в данном случае тесно связано с применением приема смыслового развития, ведь если бы мы перевели оборот *unused to this* так, как он представлен в тексте оригинала, читатель русского текста не понял бы причинно-следственную связь между описанными событиями.

Еще одной синтаксической трансформацией явилось добавление в русский текст обстоятельства времени, с которого и начинается предложение. Данная трансформация обусловлена причинами грамматическими – в русском языке нет глагольной формы, которая соответствовала бы английскому Past Perfect, поэтому при переводе мы вынуждены передавать ее лексическими средствами для того, чтобы правильно представить временную последовательность событий.

И последняя трансформация в данном случае – замена одного из однородных сказуемых исходного текста деепричастием при переводе. Нужно сказать, что эта замена была произведена для того, чтобы передать в русском языке описательность. Мы могли бы перевести сказуемое соответствующей формой глагола русского языка, но тогда в русском переводе текст получился бы динамичнее, чем в оригинале, что не соответствовало бы авторскому замыслу.

2) *All the possibilities that for the past two years had tugged and nagged at him – the city, marriage, drink, the prospect of another thirty years of dragging his boot over the sawdust in the Anglers' Arms, of sitting reading the sports page with his feet propped on the bed-head while rain dripped into a basin on his bedroom floor, the sullenness and hard-jawed resentment of months that were all Sundays – suddenly hauled off and lifted.*

Перед нами сложноподчиненное предложение с третьей степенью распространения вширь и третьей степенью распространения вглубь.

Перевод:

Предопределенное будущее, которое тянуло его за рукав и не оставляло в покое ни на минуту: работать в городе, жениться, еще 30 лет ежедневно выпивать в пабе «Снасти рыболова» с его начисто выметенным – опилками – полом, читать спортивную страничку, положив ноги на спинку кровати, под звон капель дождя в подставленную миску на полу спальни, мрачность и праздность безработных месяцев, которые казались сплошными воскресеньями, – неожиданно отступили и улетучились.

В оригинале мы видим сложноподчиненное предложение с двумя придаточными определительными и придаточным времени. При переводе тип предложения сохранился, однако, одно из придаточных исчезло – придаточное времени мы заменили на именную конструкцию. Объясняется это, как и в некоторых других случаях, удобочитаемостью – сохранив все придаточные предложения мы усложним синтаксическую структуру предложения и затрудним восприятие текста читателем (что, конечно, не входило в авторский замысел). Отметим также, что при переводе данного предложения возникли трудности с передачей большого ряда однородных членов, который содержит существительные и герундиальные конструкции. Некоторые из однородных членов были переданы глаголами, некоторые существительными, но это не затронуло структуру предложения в целом. Однако в других случаях перевод такого типа конструкций часто требует от нас более кардинальных преобразований, которые зачастую влияют не только на тип придаточного, но могут повлиять и на тип предложения в целом.

3) *They strolled on the verandah in the early morning, having been drawn out by the brightness of light, and sat in deep squatters' chairs in the evening to enjoy the dusk, while Ashly, supplementing the music of the landscape itself, played to them on an upright.*

Перед нами сложноподчиненное предложение с четвертой степенью распространения вширь и второй степенью распространения вглубь.

Перевод:

Гости прохаживались по веранде рано поутру, привлеченные сюда яркостью света, и сидели в глубоких садовых креслах по вечерам, наслаждаясь сумраком, пока Эшли, дополняя музыку самого пейзажа, играл им на фортепиано.

И в оригинале, и в переводе мы находим сложноподчиненные предложения с придаточными времени (*while Ashly played to them on an upright/ пока Эшли играл им на фортепиано*). В данном случае синтаксическая структура исходного предложения позволила нам перевести его, практически не прибегая к трансформациям. Единственная трансформация, которую нам пришлось произвести, связана с грамматическими причинами – инфинитивную конструкцию (*to enjoy the dusk*) нам пришлось заменить другой конструкцией – деепричастным оборотом (*наслаждаясь сумраком*). Стоит заметить, что в переводе возможна замена придаточного времени (*пока Эшли играл им на фортепиано*) на сочинительную конструкцию (*а Эшли играл им на фортепиано*). Однако в ситуации статического описания русский язык позволяет нам сохранить подобную конструкцию (придаточное времени), не нарушая при этом спектров частотности.

4) *That was itself so unlikely that men had preferred to believe, and not so long ago, either, that when the season turned, some birds had simply changed their form as others changed their plumage – that swallows, for example, became toads – and had actually given detailed accounts of the transformation: the birds gathering in such numbers, on reeds, on lake beds, that the stems bent low under their weight, and at the point where the reeds touched the water the swallows were transmuted, drew in their wings and heads, splayed their beaks to a toad-mouth, lowered their shrill cries to a throaty creaking, and went under the surface till it was time for them to be re-born overnight in their old shapes in twittering millions.*

Перед нами сложноподчиненное предложение, в котором наблюдается четвертая степень распространения вширь и вторая степень распространения вглубь.

Перевод:

Это было так невероятно, что когда-то, причем не так давно, людям нравилось думать, будто при смене времен года некоторые птицы меняют свой облик, так же как другие – окрас, - например, ласточки становятся жабами – да еще и давать детальные объяснения подобного превращения: птицы собираются большими стаями в зарослях камыша у озера, стебли пригибаются под их весом, и там, где камыш касается воды, ласточки перевоплощаются, крылья и головы их исчезают, клювы растягиваются и становятся жабыми ртами, их пронзительные крики становятся ниже и превращаются в горловой скрип; потом они исчезают под водой до тех пор, пока не настанет время им переродиться, за одну ночь, из жаб – в бесчисленную щебечущую стаю.

В оригинале мы видим сложноподчиненное предложение с придаточными изъяснительными (*that men had preferred to believe; that swallows, for example, became toads* и *that the stems bent low under their weight*), придаточными времени (*when the season turned* и *till it was time for them to be re-born*), придаточным образа действия (*as others changed their plumage*), придаточным места (*where the reeds touched the water*).

При переводе изменился тип предложения – предложение стало сложным с сочинительной и подчинительной связью, однако, все типы придаточных были сохранены, правда, одно из придаточных изъяснительных было передано с помощью простого предложения (*стебли пригибаются под их весом*). Таким образом, в данном случае при переводе не потребовалось применять большого количества трансформаций.

5) *Waking up that first morning in the old house – not in his own room, the room of his childhood, but in the big main bedroom since he was now the master – he had been overwhelmed by the familiarity of things: the touch of the air on his*

skin – too warm; the sharpness of the light even at twenty to seven – it might have been noon elsewhere; above all, since it is what came closest to the centre of his being, the great all-embracing sound that rose from dazzling earth, a layered music, dense but deeply flowing, that was clipped insects rubbing their legs together, bird-notes, grass-stems chaffing and fretting in the breeze.

Перед нами сложноподчиненное предложение с четвертой степенью распространения вширь и второй степенью распространения вглубь.

Перевод:

Проснувшись тем первым утром в старом доме – не в своей комнате, комнате своего детства, но в главной спальне, так как теперь он был здесь хозяин – он преисполнился знакомостью вещей: прикосновение воздуха к его коже – слишком теплое; свет яркий даже в тот час, когда стрелки только приближались к семи – в Европе солнце могло так светить лишь в полдень... Но прежде всего было то, что соприкасалось с центром его существа – великий всеобъемлющий звук, который поднимался с сияющей земли, многослойная симфония, густая, плывущая из глубины: роящиеся насекомые быстро перебирают своими маленькими ножками, птички издают трели, травинки колышутся на ветру и шелестят друг о друга.

Предложение оригинала – сложноподчиненное предложение с придаточными причины (*since he was now the master* и *since it is what came closest to the centre of his being*), придаточными определительными (*that rose from dazzling earth* и *that was clipped insects rubbing their legs together*) и придаточным дополнительным (*is what came closest to the centre of his being*).

При переводе мы произвели ряд трансформаций: в первую очередь, мы применили здесь членение предложения – одно сложноподчиненное предложение было разделено на два сложноподчиненных предложения, при этом у нас появился новый тип придаточного – придаточное времени (*когда стрелки только приближались к семи*), а одно из придаточных определительных исчезло. Это связано с удобочитаемостью предложения – в оригинале однородные члены находятся очень далеко друг от друга, и если

перевести все одним предложением, то русскому читателю трудно будет уловить взаимосвязь частей предложения. В связи с этим при переводе пришлось произвести смысловое разграничение – в первом предложении речь идет о Джиме и его ощущениях. Темой же второго предложения является звук, который так увлек Джима.

6) *Coming back, he found he liked its mixture of powdery blues and greens, its ragged edges, its sprawl, the sense it gave of being unfinished and of offering no prospect of being finished.*

Данное предложение является сложноподчиненным предложением с четвертой степенью распространения вширь и третьей степенью распространения вглубь.

Перевод:

Вернувшись назад, Эшли нашел, что любит его [пейзажа] пыльно-голубые и пыльно-зеленые краски, его рваные края, его неуклюжесть, чувство незавершенности и отсутствия надежд на завершенность, которые он оставлял.

Оригинальное предложение является сложноподчиненным предложением с придаточным изъяснительным (*he found he liked*) и придаточным определительным (*the sense it gave of being unfinished*).

Структура данного английского предложения позволяет нам применить при переводе минимальное количество трансформаций – тип предложения и виды придаточных при переводе остались теми же. Это связано с тем, что структура исходного предложения аналогична русской.

2.3. Предложения с пятой степенью распространенности

7) *He thrust his hand out, and both standing now, feet on the ground, at the centre, if they could have seen themselves, of a vast circle of grass and low greyish scrub, with beyond them on one side tea-trees, then paddocks, and on the other*

tea-trees then swamp then surf, in a very formal manner, with Ashly stooping slightly since he was so much the taller, and Jim quite square, they shook on it.

Данное предложение является сложным предложением с сочинительной и подчинительной связью, для которого характерна пятая степень распространения вширь и вторая степень распространения вглубь.

Перевод:

Он выкинул руку вперед. Они оба стояли сейчас на земле, и если бы могли видеть себя сверху, то заметили бы, что находятся в самом центре широкого круга трав и сероватого кустарника, а круг этот заключен в кольцо чайных деревьев, за которыми с одной стороны – пастбище, а с другой – болото и залив. Эшли немного сгорбился, оттого что был намного выше коренастого Джима, и они скрепили сделку рукопожатием.

Предложение оригинала является сложным предложением, в котором присутствует как сочинительная, так и подчинительная связь. Здесь мы находим два типа придаточных предложений: придаточное условное (*if they could have seen themselves*) и придаточное причины (*since he was so much the taller*).

Сразу заметно, что при переводе произошли некоторые трансформации – одно предложение было разделено на три: простое и два сложных с сочинительной и подчинительной связью. При этом при переводе сохранились придаточное условное и придаточное причины, но появились и два новых типа придаточного: придаточное изъяснительное и придаточное определительное.

Подобные трансформации объясняются несколькими причинами. Во-первых, пределом читабельности. Если бы мы перевели это предложение так, как оно представлено в оригинале, сохраняя и структуру, и все особенности, то по-русски предложение вышло бы слишком трудным для восприятия. Поэтому, нам пришлось применить тип трансформации, который, согласно В.Н. Комиссарову и А.В. Федорову, называется членением предложения.

Вторая причина состоит в том, что в данном предложении описывается, как действие, так и состояние. В предложении оригинала действия как бы происходят на фоне состояния, которое выражено при помощи герундиального оборота и абсолютной конструкции. Так как в русском языке подобных конструкций нет, то нам приходится передавать их, создавая новое предложение. Таким образом, мы применяем здесь грамматическую замену. При этом стоит заметить, что в переводе нам пришлось разграничить действия и описание.

8) *Such claims were ancient and deep. They lay in Jim's knowledge of every blade of grass and drop of water in the swamp, of every bird's foot that was set down there; in his having a vision of the place and the power to give that vision breath; in his having, most of all, the names for things and in that way possessing them.*

Это сложноподчиненное предложение с пятой степенью распространения вширь и второй степенью распространения вглубь.

Перевод:

Для того есть древние и глубокие основания. Они заключались в том, что Джим знал здесь каждую травинку, каждую капельку воды в болоте, каждый птичий след; заключались в образе этих мест, который он себе создал, и в умении этот образ одушевить, а более всего в том, что он знал здесь имена всех тварей, а потому был их хозяином.

И в оригинале, и в переводе мы видим сложноподчиненное предложение, однако, сразу замечаем, что при переводе был применен ряд трансформаций. В исходном предложении есть только одно придаточное – определительное, а в русском предложении их четыре – два придаточных изъяснительных, придаточное определительное (причем не там, где оно располагалось в английском предложении) и придаточное причины. В данном случае появление придаточных изъяснительных и придаточного причины объясняется грамматическими причинами – появление первого придаточного изъяснительного объясняется тем, что в русском языке (в

отличие от английского) нагромождение существительных значительно затрудняет восприятие и потому часто при переводе трансформируется в глагольные конструкции (в данном случае вместо существительного *knowledge* при переводе мы употребляем глагол *знал*, что и обуславливает появление далее придаточного изъяснительного). Еще одной трудностью данного оригинального предложения, как и в некоторых других примерах, является передача герундиальных конструкций, при которой также практически всегда приходится применять различные трансформации. В данном случае нам потребовалось ввести две новых предикативных группы, что обусловило появление еще одного придаточного изъяснительного и придаточного причины.

Теперь перейдем к придаточным определительным. То придаточное определительное, которое было в оригинале, при переводе исчезло – это также объясняется особенностями английского языка, но на этот раз не связанными с грамматикой. Английский язык позволяет описывать некоторые ситуации более детально, чем русский, при этом не наблюдается никакой избыточности. Однако если перевести придаточное определительное на русский язык, то эта избыточность появится.

Появление же в русском предложении придаточного определительного там, где в оригинале его не было, связано с переводом слова широкой семантики *vision*, которое требует уточнения (конкретизации) в русском языке, что привело к появлению еще одной предикативной группы.

9) *He liked to have the lamp set just so, and chose a good pen and the best ink; bringing to the occasion his fullest attention; concentrating, as he had on those long boring afternoons at the one teacher school when he had first, rather reluctantly and without at all knowing what it was to be for, learned to form the round, full-bodied letters; and adding with a flourish now the crosses of the big F's, the curled tails of the Q's.*

Это сложноподчиненное предложение с пятой степенью распространения вширь и третьей степенью распространения вглубь.

Перевод:

Удобно направив лампу, он выбирал хорошую ручку и лучшие чернила; он был полностью поглощен этим занятием, сосредоточиваясь, как давным-давно на первых уроках чистописания, когда он впервые, довольно неохотно и совершенно не понимая, зачем все это нужно, учился выводить круглобокие буквы. Сейчас он с удовольствием добавлял завитки к заглавной А и загнутый хвостик к заглавной Ц.

При переводе данного предложения был применен ряд трансформаций. Прежде всего, здесь применено членение предложений: в оригинале – сложноподчиненное предложение с придаточными образа действия, времени и придаточным изъяснительным, при переводе же оно разделено на два предложения: сложное предложение с сочинительной и подчинительной связью, в котором наличествуют придаточное времени и придаточное изъяснительное, а также простое предложение. Заметим, что придаточные времени и придаточные изъяснительные достаточно частотны и в английском, и в русском языке, поэтому типы этих придаточных при переводе не изменились. Придаточное сравнения при переводе заменено на сравнительный оборот, чтобы не утяжелять синтаксическую структуру еще одной предикативной группой. Появление сочинительной связи объясняется тем, что при передаче однородных герундиальных форм оригинала довольно трудно заменить их однотипными причастными или деепричастными формами в русском языке, сохранив при этом легкость восприятия. По этой же причине было применено и членение предложения. При помощи третьей герундиальной формы оригинала (*adding with a flourish now the crosses of the big F's, the curled tails of the Q's*) описывается действие в настоящем, в то время, как две предыдущие относятся к воспоминаниям главного героя. В английском языке довольно часто соседствуют разнородные характеристики явления или различные аспекты описания ситуации, в русском же языке нагромождение столь разных деталей может значительно усложнить

восприятие, поэтому, как и в некоторых других случаях, здесь нам пришлось разграничить части описания, относящиеся к различным моментам времени.

2.4. Предложения с максимально высокой (для переводимого отрывка) степенью распространенности

10) *He was twenty, and Ashly Crowther was a tall, inarticulate young man of twenty-three, who looked at times as if he was stooping under the weight of his watch-chain and who stumbled not over words but over his own boots.*

Перед нами предложение с сочинительной и подчинительной связью, в котором наличествует шестая степень распространения вширь и вторая степень распространения вглубь.

Перевод:

Джиму было двадцать, а Эшли Краутеру двадцать три; Краутер был высоким, молчаливым молодым человеком, который временами выглядел так, словно сутулился под весом цепочки часов, и который оступался не только в своей речи, но и в походке.

И в оригинале, и в переводе – сложное предложение с сочинительной и подчинительной связью. В обоих предложениях есть придаточные определительные (*who looked at times as if he was stooping under the weight of his watch-chain/ который временами выглядел так, словно сутулился под весом цепочки часов, who stumbled not over words but over his own boots/ который оступался не только в своей речи, но и в походке*), однако придаточное образа действия оригинального текста (*as if he was stooping under the weight of his watch-chain*) при переводе было заменено на придаточное сравнения (*словно сутулился под весом цепочки часов*). Это обусловлено грамматическими причинами. В английском языке в данном случае возможно придаточное образа действия за счет наличия двух разных

глагольных форм (*looked* и *was stooping*), при переводе же мы не можем написать *выглядел, словно сутулился*, поэтому придаточное образа действия мы заменяем обстоятельством образа действия *так*, которое затем поясняем с помощью придаточного сравнения.

Еще одной трансформацией, которая произошла в данном случае, можно считать разделение одного сложноподчиненного предложения оригинала на простое и сложноподчиненное при переводе, которое также сопровождается заменой союза *and*, соединявшего простое и сложноподчиненное предложения в оригинале, на противительный союз *а* при переводе. Обусловлено это особенностями русского и английского предложения. В английском языке возможно одновременное упоминание различных характеристик героя: его характера, возраста, манеры и проч. В русском же языке эти характеристики обычно стараются разграничить, поэтому при переводе информация о возрасте Эшли была вынесена в отдельное предложение, а остальные его характеристики описаны дальше, таким образом, мы произвели некое «тематическое» (по сути, логическое) разграничение при переводе в соответствии с особенностями языка перевода.

11) *What he could not know was to how great a degree these trips into the swamp, in something very like a punt, were for Ashly recreations of long, still afternoons on the Cam, but translated here not only to another hemisphere, but back, far back, into some pre-classical, pre-historic, primeval and haunted world (it was this that accounted for his mood of suspended wonder) in which the birds Jim pointed out, and might almost have been calling up as he named them in a whisper out of the mists before creation, were extravagantly disguised spirits of another order of existence, and the trip itself – despite the picnic hamper and the champagne bottles laid in ice, and the girls, one of whom was the girl he was about to marry – a water journey in another, deeper sense; which is why he occasionally shivered, and might, looking back, have seen Jim, where he leaned on the pole, straining, a slight crease in his brow and his teeth biting into his lower*

lip, as the ordinary embodiment of a figure already glimpsed in childhood and given a name in mythology, and only now made real.

Перед нами сложноподчиненное предложение с шестой степенью распространения вширь и второй степенью распространения вглубь.

Перевод:

Джим и не догадывался до какой степени эти путешествия на болото, в этом подобии Кембриджской плоскодонки, напоминали Эшли об отдыхе долгими, спокойными вечерами в университете, только здесь Эшли оказывался не просто в другом полушарии, но и возвращался назад, далеко назад, в некий доантичный, доисторический, первобытный и загадочный мир (вот почему он чувствовал, что с ним происходит чудо), где птицы, на которых указывал Джим – возможно, называя их шепотом, почти вызывал их из туманов небытия – были преображенными символами иного порядка существования. И само путешествие – несмотря на корзинку для пикника и бутылки шампанского, лежащие во льду, и девушек, одной из которых предстояло стать женой Эшли – казалось путешествием по водам в каком-то более глубоком смысле; поэтому он время от времени, оглядываясь назад, поеживался при виде Джима, налегающего с напряжением на шест, с легкой складкой между бровями, с зубами, впившимися в нижнюю губу; Джим казался ему воплощением фигуры, уже мельком увиденной в детстве и имеющей название в мифологии, и только сейчас ставшей реальной.

Предложение оригинала – сложноподчиненное с придаточными изъяснительным, определительным, времени, причины, уступительным и придаточным места. При переводе мы применили членение предложения, при этом у нас появилось одно сложноподчиненное предложение и предложение с сочинительной и подчинительной связью. При переводе некоторые придаточные предложения оригинала были переведены с помощью тех же типов придаточного в русском языке, а в некоторых случаях нам пришлось прибегнуть к трансформациям – так, два следующих друг за другом придаточных определительных, в одном из которых опущен союз (*in*

which the birds Jim pointed out<...>were extravagantly disguised spirits of another order of existence) переданы с помощью придаточного места и придаточного определительного, так как в русском языке два придаточных определительных не могут стоять столь близко к друг другу, и мы вынуждены заменить одно из них другим типом придаточного (в данном случае это придаточное места). В двух других случаях придаточное места (*where he leaned on the pole*) и придаточное времени (*as he named them*) были переданы не при помощи придаточных, а при помощи причастного и деепричастного оборотов соответственно. Это объясняется соображениями удобочитаемости, так как данное предложение и так очень длинное, наличие в нем большого числа предикативных групп только затруднило бы чтение. Поэтому было использовано членение предложения, а некоторые типы придаточных мы заменили другими конструкциями.

12) *It amazed him, this. That he could be watching, on a warm day in November, with the sun scorching his back, the earth pricking below and the whole landscape dazzling and shrilling, a creature that only weeks ago had been on the other side of the earth and had found its way here across all the cities of Asia, across lakes, deserts, valleys, between high mountain ranges, across oceans without a single guiding mark, to light on just this bank and enter the round frame of his binoculars; completely contained there in its small life – striped breast and sides, white belly, yellow legs, the long beak investigating a pool for food, occasionally lifting its head to make that peculiar three-note whistle – and completely containing, somewhere invisibly within, that blank white world of the northern ice-cap and the knowledge, laid down deep in the tiny brain, of the air-routes and courses that had brought it here.*

Перед нами сложноподчиненное предложение с десятой степенью распространения вширь и третьей степенью распространения вглубь.

Перевод:

Надо же, какая штука. Этим теплым ноябрьским днём – солнце обжигает спину, травинки колются и весь пейзаж ослепляет и гудит –

наблюдаешь за существом, которое всего пару недель назад находилось на другом конце земного шара, а затем проделало свой путь сюда, миновав все города Азии, озера, пустыни, долины, высокие горные цепи, миновав океаны, и все это без единого направляющего сигнала; и это существо вот-вот забелеет пятнышком на бережке, попадет в овальное поле бинокля. Это существо жило и было совершенно самодостаточным в этой своей маленькой жизни – полосатая грудка и бока, белое брюшко, желтые лапки, длинный клюв, исследующий заводь в поисках пищи; время от времени оно поднимало голову, чтобы издать свой особенный посвист их трех нот. Но песочник при этом еще и заключал, незримо, где-то внутри, тот чистый белый мир ледяных северных покровов, в его крошечной голове помещалось знание воздушных маршрутов и курсов, которые привели его сюда.

Предложение оригинала – сложноподчиненное с придаточными изъяснительным и двумя придаточными определительными. При переводе было использовано членение предложения и получилось три сложных предложения с сочинительной и подчинительной связью: первое из них содержит придаточное определительное, второе – придаточное цели, а третье – тоже придаточное определительное. Появление придаточного цели, которого не было в оригинале объясняется грамматической причиной – при помощи этого типа придаточного был передан инфинитивный оборот, которого нет в русском языке. При переводе пропало и придаточное изъяснительное, которое было в оригинале; связано это с переводом предшествующего предложения. Если бы мы перевели его так, как оно представлено в оригинале, то по-русски оно звучало бы неестественно, поэтому мы постарались подобрать такой вариант, который отразил бы замысел автора – передать удивление героя, – и при этом звучал бы органично в языке перевода.

Теперь нужно понять, почему при переводе данного предложения нам пришлось применить такую переводческую трансформацию, как членение предложения. Причин здесь сразу несколько. В первом случае новое

предложение начинается там, где в оригинале стоит «;», и в этом случае причиной является удобочитаемость. Именно на этом моменте читатель как бы переводит дух, поэтому логично сделать здесь паузу, если же продолжить переводить предложение, как в оригинале, то оно просто перестанет восприниматься читателем из-за нагромождения информации. Во втором случае причины разделения предложений иные – грамматические. В оригинале являются однородными членами причастие первое и причастие второе, и вторая часть исходного предложения строится на игре этих двух форм – пассивной и активной. В русском языке трудно найти две соответствующие формы, которые еще бы при этом вписались в канву повествования, излишне его не усложнив. Поэтому при переводе нам пришлось использовать иные лексические средства для передачи замысла автора, что привело также и к членению предложения.

2.5. Выводы по Главе 2.

Попробуем описать, на основе вышеприведенного анализа, те факторы, которые обуславливают необходимость преобразований при переводе синтаксических структур с высокой степенью распространенности, а также суть конкретных переводческих решений, которые применяются с той или иной степенью обязательности в случае действия каждого из факторов (хотя обычно действует не один фактор, а сразу несколько).

Факторы преобразований, ведущих к изменению структуры переводимого предложения, можно условно разделить на несколько категорий: лексические, грамматические, смысловые (логические), художественные, общие факторы восприятия.

К лексическим факторам можно отнести, например, наличие слов широкой семантики или конструкций, требующих конкретизации при переводе. При этом часто в переводе появляются иные типы придаточных. Если переводчик не уточняет данные слова или конструкции, это может привести к потере общей логической (причинно-следственной) связи в переводе.

К грамматическим факторам, прежде всего, можно отнести наличие в английском языке некоторых временных форм, грамматических форм или конструкций, которых просто не существует в русском языке или которые не могут быть переданы в русском языке аналогичным образом. Здесь мы применяем грамматическую замену. В этом случае может измениться сама структура предложения или могут появиться (или наоборот «исчезнуть») некоторые типы придаточных предложений.

К смысловым факторам можно отнести, например, наличие в предложении одновременного описания действия и состояния, ситуаций,

относящихся к различным промежуткам времени, разнородных признаков предмета или явления и проч. В английском языке такое встречается довольно часто, а вот при переводе во многих случаях приходится применять смысловое разграничение, которое нередко приводит к тому, что переводчику приходится использовать прием членения предложений.

К художественным факторам условно можно отнести, к примеру, необходимость передачи динамизма или статичности ситуации в соответствии с авторским замыслом. В данном случае возможен ряд грамматических замен, которые также могут привести к изменению типа придаточного или структуры предложения.

К общим факторам восприятия можно отнести удобочитаемость. Например, в английском языке однородные члены могут стоять очень далеко друг от друга, и при этом предложение воспринимается читателем довольно легко. Если переводить многие из таких конструкций, сохраняя все структуры оригинала, то предложение на русском языке получится просто нечитабельным. Поэтому здесь также приходится применять ряд трансформаций, которые почти всегда влияют на структуру предложения. Говоря об удобочитаемости, необходимо принимать во внимание и параметр длины предложения в английском и русском языках.

Стоит сказать, что преобразования определенной направленности не обязательно ведут к одному результату; это связано с творческим компонентом: у каждого автора, да и у каждого переводчика своя манера, поэтому возможна вариативность. Однако даже несмотря на это, есть преобразования с более высокой степенью обязательности – то есть те, которые с большой вероятностью должны совпадать в большинстве переводов.

В своем исследовании В.Н. Базылев говорит о том, что существуют переводческие ситуации, «где необходимость трансформаций <...> носит абсолютный характер» [В.Н. Базылев, 2005]. Такие трансформации

В.Н. Базылев называет преддетерминированными. Однако есть и менее необходимые преобразования. Основываясь на данных проведенного им сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода, В.Н. Базылев рассчитывает «условный коэффициент необходимости применения переводческих трансформаций» для синтаксиса ¹ [В.Н. Базылев, 2005].

Не ставя задачи рассчитывать коэффициенты, как В.Н. Базылев, мы, тем не менее, взяв за основу его подход, выделим три степени обязательности трансформаций для структур с высокой степенью распространенности – высокую, среднюю и низкую. К ситуациям возникновения высокой степени обязательности трансформаций мы будем относить такие ситуации когда, игнорируя какие-то из описанных нами выше факторов, можно получить при переводе аграмматическое построение. Сюда же будет относиться действие факторов, игнорирование которых может привести к нарушению логической картины. Факторы/ситуации средней степени обязательности мы определим, как ведущие к преобразованиям, призванным «придать речи естественность, адекватность с точки зрения ситуации и жанра ИТ» [В.Н. Базылев, 2005]. К факторам/ситуациям с низкой степенью обязательности мы отнесем те, которые ведут к трансформациям «с непрозрачной мотивацией» [В.Н. Базылев, 2005], или те, учет которых зависит от личных предпочтений переводчика. Заметим, что действительная степень обязательности некоторых факторов, особенно при действии их в комплексе, может зависеть от конкретного случая, контекста, т.е. будет варьироваться, например, от средней до высокой (как в случае с лексическими и логическими факторами) или от низкой до средней (художественные факторы).

Далее мы приводим таблицу, в которой факторы представлены в соответствии со степенью их обязательности:

---

¹ Используя эту продуктивную идею, А.И. Шеин применил похожий подход для оценки лексико-грамматических гипонимических преобразований при переводе с английского языка на русский [А.И. Шеин, 2009]

Степень обязательности	Низкая	Средняя	Высокая
Факторы			
Лексические		+	+
Грамматические			+
Смысловые (логические)		+	+
Художественные	+	+	
Общие факторы восприятия		+	

Некоторым образом данная таблица и предшествующие ей рассуждения могут считаться нашими рекомендациями переводчикам.

Как отмечалось выше, факторы нередко действуют не по одному, а в комплексе, накладываясь друг на друга, что указывает на важность принципа вариативности, – в работах разных переводчиков при переводе предложений с высокой степенью распространенности могут встречаться разнообразные решения. Однако это не значит, что не существует закономерностей, которые мы пытались сформулировать выше.

Заключение

В Главе 1 нашего исследования мы представили наше понимание того, какие предложения можно относить к предложениям с высокой степенью распространенности, разработали в рабочих целях классификацию таких предложений, а также выделили критерии распространенности. Далее мы попытались выявить наиболее частотные синтаксические конструкции, характерные для данного автора и автора сопоставимого с ним стиля. Также мы рассмотрели типологии преобразований, разработанные отечественными лингвистами.

Таким образом, мы создали себе базу для дальнейшего практического исследования (Глава 2), в рамках которого мы проанализировали предложения различной степени распространенности по мере их усложнения. В ходе этого анализа нам удалось установить ряд факторов, обуславливающих необходимость преобразований при переводе синтаксических конструкций с высокой степенью распространенности. Сгруппировав эти факторы, мы объяснили, как и почему действует каждый из них, а также попытались описать степень обязательности преобразований, связанных с тем или иным фактором или сочетанием факторов.

Представляется, что выявленные закономерности могут быть полезны для переводчиков, которые сталкиваются с проблемой перевода предложений с высокой степенью распространенности и в особенности для тех, кто переводит тексты авторов, для которых, как и для Д. Малуфа, характерна живописная, поэтическая описательность.

Библиография

1. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка – М.: «Агар», 2000
2. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка – М.: «Высшая школа», 1983
3. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения – К.: «Вища школа», 1971
4. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка – М.: «Высшая школа», 1981
5. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) – М.: Издательский дом «Филология три»; СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002
6. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка – М.;1957
7. Хорнби А. С. Конструкции и обороты английского языка – М.: «Буклет», 1992
8. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика – М.: «Р.Валент», 2010
9. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения – Л.: Ленинградский университет, 1977
10. Набоков В.В. Облако. Озеро. Башня – М.: «Московский рабочий», 1989
11. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка: учебное пособие для государственных университетов. - М.: Изд-во МГУ, 1956.
12. Ланчиков В.К. Топография поиска. Стандартизация в языке художественных переводов, 2011
13. Литвинова М.Д. Методика преподавания художественного перевода в филологических ВУЗах. Критерии оценки перевода – М.: МГЛУ, 2002

14. Базылев В.Н. Обусловленность переводческих трансформаций – М.: МГСУ, 2005
15. Шеин А.И. Типология гипонимических преобразований при переводе с английского языка на русский, диссертация – М.: МГЛУ, 2009
16. Новикова М.Г. Синтаксические преобразования на уровне предложения при переводе с английского языка на русский язык на примере коротких рассказов С. Моэма, диссертация – М.; 2009
17. Бранд С. В. Проблема типологии синтаксических преобразований в отечественном лингвистическом переводоведении, реферат – М.: МГЛУ, 2011
18. Буркитбаева Г.Г. Некоторые особенности функционирования сложноподчиненного предложения в тексте – М.: МГЛУ, 1993
19. Шаров С.А., Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка – М.: «Азбуковник», 2009
20. Malouf D. «A Medium»
21. Flesch R. A new readability yardstick, 1948
22. Flesch R. How to write plain English, 1979
23. Saadi Nikro. David Malouf: Exploring Imperial Textuality – Lebanon: Notre Dame University, 2006
24. British National Corpus <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

Приложение 1. Перевод отрывка из повести Д. Малуфа «Птичка-невеличка»

1

Всё утро, вдалеке, слева от него, там, где заканчивалось болото с его свечением и начинались угодья, громоздкая тень поднималась над невидимым пастбищем; она выполняла воздушный обход, то карабкаясь вверх, то опускаясь, то слегка вращаясь на месте, а затем вновь исчезала за полосой деревьев.

Равнина в том направлении постепенно поднималась, переходя в далёкие ярко-синие горы, которые в это время суток были светло-голубыми, но к вечеру становились почти пурпурными. Болото было окружено чайными деревьями, часть которых стояли наполовину в воде, пятная мелководье табачно-коричневым цветом. Светящуюся поверхность воды заслоняли тени облаков; затем как будто невидимая рука стирала их, и поверхность опять делалась яркой и на ней появлялись серебристые прожилки.

На болоте жила огромная популяция водяных птиц; на пастбищах и на лесистой равнине внизу обитали и попугаи лори, и розели, и различные виды голубей – длиннохвостые пёстрые, бронзовокрылые, изредка попадались чубатые плодоядные и куропатковые каменные голуби – и надо всеми в вышине застыли хищные птицы – ястребы и пустельги. Но большая тень принадлежала не птице, а биплану, который всё утро рисовал фигуры в воздухе, ткань крыльев была туго натянута на каркас, и проволочные растяжки пели, как струны пианино. Джим понял, что теперь он здесь не одинок, и ему стало не по себе. Краем глаза он наблюдал за бипланом; его

раздражала массивность этой громадины, бесцельность её появлений и исчезновений за линией деревьев, непредсказуемость её несуразных перемещений, и шум, который она производила – он был новью, но новью, вызывающей беспокойство.

За спиной Джима, там, где болото переходило в Тихий океан, были дюны – бродячие пески, кое-как скреплённые амарантом и серебристым кустарником; за дюнами начиналось побережье, омываемое волнами прибоя. Вы часами могли идти по берегу, вдоль их шипящей белизны, и не встретить ни души. Здесь были только стаи чаек и разноцветные сорочаи, порхающие во влажном свете прибоя; они останавливались, но не бесцельно, а для того, чтобы поймать крошечного, почти незаметного краба, а затем снова улететь, оставив на песке чёткие отпечатки своих трёхпалых лапок.

В голове у него был объёмный образ этих мест, как будто лежа на животе и выжидая, пока из зарослей появится крошечное существо, он одновременно наблюдал за всем с высоты птичьего полета, как тот парень на своей летающей машине. Джим всегда существовал на обоих этих уровнях, в обоих мирах: плоском мире, мире отдельных травинки, на которые смотришь так близко, что они начинают расплываться, там, куда приземляются птицы, добывающие корм на земле, и мире в перспективе, в котором эта местность представляется картой рельефа, подобной той, какую он однажды видел в совете графства – побережье, пляж, болото, пастбища, сухие, лесистые склоны холмов, остроконечные горные вершины. Каждая из этих областей была занята определённым видом птиц, границы их обитания были невидимыми, но чёткими; птицы могли в любой момент пересечь их, но не делали этого, предпочитали оставаться на своей территории. На своей. Потом, когда приходило время, птицы взлетали и покидали эти места, стаями, по двое или поодиночке они отправлялись туда, откуда прилетели и где жили оставшуюся часть года: на далёкие острова на другом конце света, в Китай или в Европу.

Удерживая одну из птиц в поле зрения, Джим размышлял об этом. *Существо, которое я могу так легко поймать, держать в руках, чувствуя, как бьётся его сердце, как его сильные крылья трепещут в моих ладонях, это существо видело такие дали и выси, которые никогда не суждено узреть этому неуклюжему самолету. Сибирь. Его крошечные быстрые глазки видели нечто великое: половину мира.*

Биплан появился снова, взобрался круто вверх на фоне солнца. Птицы разлетелись в разные стороны. Он хлопнулся среди них, такой большой, неуклюжий, шумный. Было ли птицам интересно, чем питается эта громадина? Биплан был в сто раз больше любого ястреба или орла, и, если он на самом деле птица, его аппетит должен быть просто чудовищным. Следили ли остроглазые птицы за его передвижениями?

Сам Джим следил за султанкой. Он наблюдал за ней уже около часа в полевой бинокль, который дал ему Эшли Краутер. Среди зарослей камыша Джим заметил её гнездо, где лежало, может быть, пять или шесть бежево-коричневых яиц.

Эшли Краутер был молодой человек, немногим старше самого Джима. Он учился в школе в Англии, затем поступил в Кембридж, а после университета вернулся сюда, в Австралию, чтобы управлять угодьями своего отца. Ему принадлежали земли, лежавшие по эту сторону болота, и от болота до океана. Биплан вылетел с одного из пастбищ Эшли, и Джим догадался, что управлял им один из друзей Краутера. По выходным в усадьбу Эшли всегда наведывались гости – юноши и девушки на автомобилях; на голове у них были кепки, а лица их скрывали прозрачные повязки от дорожной пыли. Они приезжали, чтобы покататься на лошадях, вкусно поесть и потанцевать на веранде под музыку граммофона.

Само болото тоже принадлежало Эшли, и, так как он интересовался птицами, он нанял Джима наблюдать за жизнью болота и вести учёт прилетающих и улетающих птиц. Это была новая идея, пришедшая из

Европы, хотя закон о защите птиц был принят здесь, в Квинсленде, около сорока лет назад, раньше, чем где-либо в Империи.

В день их знакомства Эшли Краутер сидел на бревне, жуя травинку и мечтательно оглядывая болото, и Джим сразу же почувствовал в нём человека, с которым можно поговорить, хотя они ещё и словом не перемолвились; Джим неуверенно шагнул навстречу Эшли, сомневаясь, однако, к чему это может привести, ведь он не был хозяином здешних мест.

– Послушай, – сказал ему Эшли тогда. Без предисловий, как будто в тот момент в его голове сложился план, он тут же рассказал о своих задумках Джиму; и Джим, который до поры плыл по течению, и мог запросто пойти работать на городскую фабрику или стать кондуктором трамвая, понял масштаб происходящего и почувствовал, что наступил момент, когда вся его жизнь может измениться. Всего секунду назад этот странный парень был для Джима незнакомцем. Сейчас они скрепили сделку рукопожатием, и в нём, казалось, была заключена вся бурлящая жизнь болота, за которую теперь отвечал Джим.

Джиму было двадцать, а Эшли Краутеру двадцать три; Краутер был высоким, молчаливым молодым человеком, который временами выглядел так, словно сутулился под весом цепочки часов и который оступался не только в своей речи, но и в походке. Он сказал:

– Итак, вы будете работать на меня, – его слова обладали какой-то магической властью, и участь Джима была решена. Предопределённое будущее, которое тянуло его за рукав и не оставляло в покое ни на минуту: работать в городе, жениться, ещё тридцать лет ежедневно выпивать в пабе «Снасти рыболова» с его начисто выметенным – опилками – полом, читать спортивную страничку, положив ноги на спинку кровати, под звон капель дождя в подставленную миску на полу спальни, мрачность и праздность безработных месяцев, которые казались сплошными воскресеньями, – неожиданно отступили и улетучились. Он освободился от своей собственной жизни.

– Джим теперь нам не чета, – с нескрываемым унынием говорил его отец своим приятелям, с которыми выпивал в баре. Он уготовил Джиму жизнь настолько же однообразную, без неожиданных поворотов судьбы, как его собственная.

– У таких, как мы, по-другому не бывает, – говаривал он.

– У таких – это у каких? – всегда хотел спросить Джим. Кроме невольного кровного родства он не видел ничего общего между собой и отцом. Джим негодовал по поводу малодушия Сэддлера-старшего, который уже заранее ожидал поражения, и потому расценивал как личное оскорбление то, что жизнь сына вдруг устроилась. Джиму досталось уже достаточно затрещин от родителя, даже по более невинным поводам, поэтому Джим понимал, что есть вопросы, которых лучше не задавать.

– Дуралей ты настоящий, – говорил ему отец, – коли доверяешь этим приезжим, с их заманчивыми речами и мудрёными затеями. И этими их «механизмами»! Ты бы лучше поискал работу в Брисбене и не связывался с ними. Так было бы лучше, слышишь? Лучше! – и он с силой ударял кулаком по столу.

Была в его отце какая-то первобытная жестокость, от которой Джим старался держаться на расстоянии; не потому что опасался стать её жертвой в физическом смысле – от отца ему доставалось достаточно часто, и в этом не было ничего особенного, затрешины и затрешины – а оттого, что он не хотел этой жестокостью заразиться. Она была разрушительной. Она не позволяла ничему спокойно существовать, вырывала с корнем, раздирала в клочья, очерняла, подвергала безжалостной критике, пыталась доказать, что внутри все с червоточиной, как и она сама. В своё время отцу пришлось нелегко, но это его не оправдывало. «Мой старик отправил меня работать, когда мне было десять. Заставил пахать как скотину. Спать на соломе. Как вспомню, как вспомню!» Однако все это не объясняло, почему отец стал таким. В те времена в таком положении оказывались многие, и к тому же, хотел возразить Джим: «Разве ты ко мне настолько уж добрее?» Нет, желчный

взгляд отца, обращённый к миру, не имел причины, он просто был, какой был.

Джим проглотил негодование и решил ничего больше не говорить. Что до предложения Эшли Краутера, то он хотел рискнуть. Что-то в молчании, которое установилось между ними, когда они просто сели на пеньки – Эшли скрестил ноги и подпёр ладонью подбородок – заставило Джима поверить, что Эшли разделяет его взгляды, несмотря на сословные различия. В Эшли чувствовалось безмолвное уважение к вещам, которые были дороги и Джиму.

Слова не нужны. Речь Эшли была слишком бессвязной, чтобы всё это выразить, и Джим пришел бы в замешательство, услышав её, но он понимал всё и так. Вода, ветви, листва, поросшие травой островки, где так удобно вить гнезда и добывать корм, безраздельно принадлежали птицам. Земельные права, которые даруются Коронай на девяносто девять лет или даже навечно – иного толка; да и можно ли по чьему-то писаному слову завладеть всей огромной жизнью болота. Этот странный парень в жилетке и с часами на цепочке, в крапчатом шелковом галстуке, и со своим манерным английским выговором, понимал это с самого начала.

Но и это ещё не всё. Эшли, кажется, признавал то, что Джим тоже имеет права на болото, что он тоже притязает на эти земли, хотя и другим манером. Для того есть древние и глубокие основания. Они заключались в том, что Джим знал здесь каждую травинку, каждую капельку воды в болоте, каждый птичий след; заключались в образе этих мест, который он себе создал, и в умении этот образ одушевить, а более всего в том, что он знал здесь имена всех тварей, а потому был их хозяином. Это выше любых грамот и законов.

В этом было что-то, думал Джим, что служило ответом на его немой вопрос отцу: «Для таких – это для каких?», зачёркивало сам вопрос. И сразу распахивался простор, в котором вольготно было сердцу Джима, всё благодаря тому, что Эшли смотрел на мир просторно и щедро. Здесь

находилось место и для Джима, и для тысяч прилетающих и улетающих птиц, даже самых заморских.

2

Эшли Краутер приехал домой после более чем двенадцатилетнего отсутствия, и обнаружил, что не чувствует себя здесь таким уж чужаком.

Он был в частной школе в Англии, потом в Кембридже, затем еще год изучал музыку в Германии, и везде по ту сторону океана мог сойти за английского джентльмена. Он говорил как джентльмен, носил подобающую джентльмену одежду – испытывал страсть к жилеткам и часам на цепочке, щегольство, от которого, как он думал, возможно, придётся отказаться по возвращении в Австралию; знал, как обходиться с официантами, привратниками и посыльными – с выверенной долей властности, снисхождения и тонкого юмора. Он был во всех смыслах человеком утончённым, и его барство, как бы это назвали здешние люди, несколько не мешало ему. Он охотно интересовался социальными вопросами и осознавал достаточно ясно, что в грядущие годы нужно многое сделать, установить новые порядки, противостоять определённым силам, внести изменения, а с чем-то и смириться. Эти идеи будоражили его. Он одобрял перемены. Подобные размышления уже сами по себе были достойным занятием, и он не понимал, почему, чтобы прослыть человеком серьёзным, нужно иметь профессию и работу, которая приносит определённый доход и отнимает определённое количество часов ежедневно.

Эшли Краутер был человек серьёзный. Он, без сомнения, был мечтатель, и, когда волновался, становился косноязычным, но он любил всё практичное, работоспособное, и за три года, прошедшие с того дня, как он достиг совершеннолетия, приобрел четыре автомобиля. Сейчас его заинтересовало последнее новшество – полёты. Эшли не летал сам, летал его

друг Берт, а Эшли вполне довольствовался, как и во многих других случаях, ролью покровителя и наблюдателя.

В Кембридже господствовало условное разделение на «атлетов» и «эстетов», и Эшли волей-неволей оказался среди последних. Он никогда не был особенно силен в спортивных играх – мешала его крайняя худоба – и он не только играл на пианино, Шопена и Брамса, но и мог насвистеть лейтмотивы из вагнеровского «Кольца нибелунга». Притом детство его прошло на природе, и он никогда так и не утратил любви к просторам и далеким горизонтам, к скалолазанию, к поездкам верхом, к пикникам; и создания, которые окружали его в детстве, никогда не покидали его грёзы. Всё то время, что Эшли провёл в Старом Свете, они жили там, с другой стороны земного шара, как бы с изнанки Гринвича, и сохраняли свою первозданную власть над Эшли, поддерживали его связь с континентом, откуда ему пришлось уехать одиннадцати лет, но где оставил он частицу души. Возможно поэтому, когда он вернулся в двадцать три года, он не был здесь чужим.

Проснувшись тем первым утром в старом доме – не в своей комнате, комнате своего детства, но в главной спальне, так как теперь он был здесь хозяин – он преисполнился знакомостью вещей: прикосновение воздуха к его коже – слишком теплое; свет яркий даже в тот час, когда стрелки только приближались к семи – в Европе солнце могло так светить лишь в полдень... Но прежде всего было то, что соприкасалось с центром его существа – великий всеобъемлющий звук, который поднимался с сияющей земли, многослойная симфония, густая, плывущая из глубины: роящиеся насекомые быстро перебирают своими маленькими ножками, птички издают трели, травинки колышутся на ветру и шелестят друг о друга. Звуки эти мгновенно захватили его, перенесли в прошлое. Он вышел на веранду в пижаме – хотя было так тепло, что впору вовсе раздеться – и звуки окружили его, казалось, весь мир подрагивает, нанизанный на эти ноты. Плоская земля перетекла в иную форму, стала доступна другому восприятию. Широкий основной тон,

его взволнованная мелодия, трепетание и гудение, что издавали птички, надувая свои маленькие горлышки, из всех музыкальных понятий, знакомых ему, более всего напоминали ему остигатный бас. Это был звук, которому подчинялось всё его существо. Он стоял босоногий на шершавом дощатом настиле и впускал в себя этот звук.

– Как же ты решился вернуться в Австралию? – говорили его друзья в Старом Свете, сочувствуя ему, но восхищаясь его смелостью, которую они преувеличивали.

– Так мне на роду написано, – отвечал он.

Эта фраза доставляла ему удовольствие. Она звучала торжественно и непререкаемо. И с тем большей радостью он осознал, вернувшись, что он здесь не чужой, почувствовал, глядя окрест, удовлетворение от владения и преемственности.

Его дед первым подписал притязание на эти земли, поставил своё имя на грамотах; но он умер, когда земля была всё ещё дикой, а в его голове существовал только образ намеченного на незнакомом и чужом континенте, образ, который должны воплотить в жизнь его дети. Большую часть из того, что сейчас представало перед взором Эшли, сделал его, Эшли, отец. А теперь дело за самим Эшли.

Работы здесь непочатый край – видно с первого взгляда. Но Эшли воспринимал вещи по-другому, чем его отец и дед. У них в голове всегда была картина, привезённая из Англии – аккуратные поля, разделённые живыми изгородями – к которой здешний ландшафт с помощью перепланирования и обработки можно приблизить. Но для Эшли это был первый образ земли, который он знал, и он не пытался переделать его в тот, другой, более зелёный; этот первый образ был самодостаточен. Вернувшись назад, Эшли нашёл, что любит его пыльно-голубые и пыльно-зелёные краски, его рваные края, его неуклюжесть, чувство незавершённости и отсутствия надежд на завершённости, которые он оставлял. Тут всё говорило о пространстве, и о времени, которые позволяли природе пойти собственным

путём, – но всё же она давала людям то, что должна давать, столь она обильна. Несмотря на всю его культуру, ему нравилось здешняя невосделанность, которую можно не задумываясь таковой и оставить.

Представление Эшли о мире было более широким, чем мог рассказать его джентльменский наряд – (хотя в эту минуту, босоногий на шершавом настиле, он этого наряда был лишён) – или его благовоспитанная – а на самом деле робкая – манера, которую отбросить было не так легко.

После завтрака он переделся в хлопчатобумажную рубашку, саржевые брюки, сапоги и широкополую шляпу, объехал верхом свои владения, начав с особого, огороженного железным забором места, где в тени небольшой колоннады его родители, бабушки и дедушки, и некоторые младшие братья и сёстры лежали под рельефными надгробиями.

«Портик», как его называли, был виден из дома, только когда пшеничное поле было сжато, так как находился посреди этого поля. Эшли помнил, как ребёнком проползал между шуршащими стеблями, чтобы найти это место, свой потерянный родовой город, или сидел на заборе у дома, пока комбайн ходил широкими кругами, постепенно открывая глазу колонны, одиноко стоявшие среди скошенных хлебов. Уже тогда колонны были такие зазубренные и потемневшие, что могли сойти за древний памятник, возраст которого насчитывал скорее века, чем десятилетия, прошедшие со дня первой смерти. Вот и теперь Эшли направился к «портику» сквозь высокие хлеба и просидел там пару мгновений со снятой шляпой. Затем отправился в путь.

Он видел многое в тот день, хотя целого обзреть не успел – это заняло бы недели, даже месяцы. Вечером, приняв ванну и переодевшись, он снова сел один на веранде и в очередной раз решил сделать свой дом местом, куда будут приезжать люди. Он не мог сохранить свои чувства, своё восхищение этой красотой для себя одного. Туманность этого часа, темнеющая синева холмов и всё теснее обступающая симфония ночных звуков, были слишком

хороши, чтобы их с кем-нибудь не разделить, а Эшли по натуре своей был щедр.

В течение двух месяцев он осуществил задуманное. Он объездил большую часть своих владений и получил ясное представление о людях, выполнявших работу или поручавших её другим. Когда он смотрел на книги управляющего, он видел за именами реальные лица, за цифрами места огороженные и дикие, и знал, что это значит в часах работы и покрытых расстояниях. Он слился со своими владениями за те дни, пока ездил верхом, ходил, сидел и вёл беседы под палящим солнцем, и его сухощавое тело, вначале так нывшее, окрепло и закалилось

Дом тоже обрёл новую жизнь. Гости приезжали на выходные и размещались в больших комнатах с кедровыми платяными шкапами и облицованными плиткой умывальниками и раковинами; комнаты эти выходили на веранду. Гости прохаживались по веранде рано поутру, привлечённые сюда яркостью света, и сидели в глубоких садовых креслах по вечерам, наслаждаясь сумраком, пока Эшли, дополняя музыку самого пейзажа, играл им на фортепиано. Они ели от души в столовой, обдуваемые вентилятором, а на вращающемся подносе в центре стола за завтраком стояли четыре различных сорта джема и два мёда, один в сотах, а за ужином соусы и приправы; также они устраивали пикники внизу у ручья. Теннисный корт тщательно пропололи и посыпали розовато-красным веществом из толчёных термитников; гости играли парами, девушки, одетые в юбки и блузки, и молодые люди, без пиджаков, с закатанными рукавами. Берт прилетел на своей летающей машине. Гости наблюдали, как он вихляет над болотом, потом облетает вокруг дома и приземляется, немного нетвёрдо, на пастбище. Летающая машина сидит там, в мареве, подобно птице или гигантскому мотыльку, среди коров, которые хлещут хвостами, и навозных куч, и не кажется чем-то неуместным. Эта земля, думал Эшли, многое может принять. По крайней мере, так ему представлялось. Она не имела чётких очертаний, как английские или немецкие земли; сюда могло проникнуть и

найти себе место что-то новое. Пусть она старая, даже древняя, но она более открыта, чем земли Европы, тому, что может здесь появиться.

И вот он повстречал Джима.

Однажды, когда он ехал по низкому кустарнику вдоль болота, молодой человек вспрянул вверх из травы прямо у него из-под ног; или вернее сказать, перекатился с живота на спину, и затем, чертыхаясь, вскочил на ноги. Эшли не заметил, как на некотором расстоянии от них какое-то другое существо оторвалось от земли и взлетело, хлопая крыльями, на дерево. Он был слишком изумлён, что какой-то парень лежал на животе здесь, посреди этой глуши, прямо под копытами лошади, и почувствовал, что ругательства, хотя они и не были прямо адресованы ему, не вполне оправданы.

Молодой человек стоял, узколицый, с мощными плечами, в поношенных молескиновых брюках и рубашке без воротника, и никак не пытался объяснить свое присутствие или признать какого-либо различия между собой и Эшли, кроме того, что один сидел на лошади, а другой твёрдо стоял обеими ногами на земле. Он стряхнул семена травы с брюк старой шляпой и не сдвинулся с места. Эшли, странное дело, и не подумал на это обидеться.

– Что вы здесь делаете? – спросил он с искренним любопытством, без тени упрёка.

– Наблюдаю за этим австралийским широкооротом, - ответил ему Джим.

– Вы его спугнули.

– Австралийским широкооротом?

– Ну да. Такая восточная птица, – сказал Джим. – Прилетела с Молуккских островов.

У него был хриловатый голос, простой местный выговор: слова он певуче растягивал. Подробности, которые он сообщал, были ненужными и могли показаться каким-то буквоедством. Но когда он назвал птицу, а затем острова, в его устах они обрели особое звучание. Джим наделил их

романтикой, которая жила в нём самом. Тут проявился необычный интерес Джима, огонь его страстного увлечения.

Эшли слез с седла, и они оказались рядом друг с другом в траве, доходящей почти до бедра. Джим указал на дерево.

– На том эвкалипте, видите? – Джим прищурился. – Вон там, слева. Вторая ветка от вершины. Красный клюв. Пурпурная грудка и хвостовые перья. Видите?

Эшли всмотрелся, сосредоточился, нашёл ветку: и затем, едва не ойкнув от удивления и волнения, заметил и птицу – красный клюв, пурпурная грудка, всё, как обещал незнакомец.

– Вижу! – воскликнул он, как ребенок, и оба они рассмеялись. Молодой человек повернулся и присел на бревно; достал из кармана кисет и бумагу для самокрутки. Эшли сделал неуклюжий шаг вперёд и проговорил с настойчивой любезностью:

– Угощайтесь, пожалуйста. Нет, правда... – Он предлагал портсигар, который только что открыл щелчком; под металлической пластиной, у которой с боков маленькие кожаные гармошки, лежали папиросы машинной набивки с золочёным кончиком.

– Спасибо, – сказал молодой человек, неуклюже поддевая металлический прижим непослушными пальцами. Он повертел папиросную гильзу, такую гладкую и ровную, в руке, поглядел на золотой ободок вокруг кончика, затем осторожно зажал губами; чиркнул восковой спичкой, и, прикрыв её ладонью, чтобы защитить огонь от ветра, дал прикурить Эшли, который, наклонив голову, зажёл свою папиросу. Затем только Джим закурил сам, и щелчком большого пальца избавился от спички. Вся эта сцена перенесла их из состояния, когда им больше нечего сказать друг другу, в состояние непринуждённого молчания. Эшли провёл свою лошадь к пеньку напротив, и сел на этот пенёк, скрестив ноги и согнувшись так, что локти уперлись в колени, потом сказал отрывисто:

– Ты здесь часто? Я имею в виду, наблюдаешь за птицами?

– Ну, можно сказать, часто.

– А зачем?

– Не знаю. Какое-никакое занятие.

Он осмотрелся, его серые глаза сузились, и земля сразу легла плоским кругом; макушки высоких трав, пеньки, кустарник, – всё это казалось тихим и молчаливым, но было наполнено жизнью: там и сям – крошечный глазик, клювик или кончик крыла.

Эшли повёл взглядом вокруг. Пейзаж вдруг как будто обрёл резкость, и ему удалось разглядеть маленьких живых обитателей: быстро вращающийся блестящий птичий глаз, красный клюв среди цветков эвкалипта, крошечное тельце на земле между корнями – одна из птичек цвета земли, питающаяся семенами. В это мгновение он почувствовал, сколько жизни могло быть в каждом квадратном аршине этой земли. А он владел тысячей акров.

Но даже если он увидел – теперь увидел – этих существ, он не умел их назвать. Австралийский широкорот. А этот парень знает все имена.

– Откуда ты столько узнал о птицах? – спросил Эшли, смахивая с себя задумчивость.

– Отовсюду помаленьку. Что-то из книг. Тут вот какое дело, – Джиму трудно было объяснить, что это почти чутьё, чутьё, необъяснимое даже для него самого. Сказать это значило претендовать слишком на многое. Дар. Было ли это даром?

– Со временем, – сказал он, – ты что-то узнаешь, а об остальном и догадаться нетрудно. Если, конечно, есть способности. В девяти случаях из ста отгадаешь, – и он рассмеялся. Эшли рассмеялся тоже. Эшли скрючился ещё сильнее, ноги его были сплетены, локти вжаты в тело, и смех получился похожим на маленького чертёнка, которого закупорили в бутылку, а он вдруг вырвался оттуда наружу.

– Послушай, – сказал он, – а не хотел бы ты?.. Не хотел бы ты поработать?.. – Он остановился, затаив дыхание от волнения. Пейзаж, его

ширь, трава, кусты, вода, небо, – от всего этого захватывало дух. Тысячи маленьких жизней, только что открывшиеся ему.

– А не хотел бы ты, – сказал он, – заниматься этим... постоянно?.. Я имею в виду, составлять списки. Со временем это место, – (он вдруг задумался, с каким временем: годы? десятилетия?) – можно превратить в место для наблюдения, в заповедник. Это моя земля, я могу сделать из неё всё, что захочу. И именно ты можешь мне в этом помочь.

Джим выдохнул ровную струйку дыма. Он так долго ждал чего-нибудь подобного, и сейчас этот Эшли Краутер подкрадывается к нему на лошади и предлагает, так запросто, не просто временную работу, а долгое занятие, на годы, на всю жизнь.

Джим молчал, и Эшли заволновался.

– Естественно, я буду хорошо тебе платить, – он сглотнул. Сама земля, думал он, должна добавить предложению привлекательности; он и делал-то своё предложение как бы от лица земли.

– Ну? Что?.. Что скажешь? – спросил он с лёгкой запинкой.

Джим сначала медленно кивнул, потом промолвил:

– Годится.

– Ну, значит, тогда... – сказал Эшли, смеясь и вскакивая на ноги, – тогда по рукам.

Он выкинул вперёд руку. Они оба стояли сейчас на земле, и если бы могли видеть себя сверху, то заметили бы, что находятся в самом центре широкого круга трав и сероватого кустарника, а круг этот заключён в кольцо чайных деревьев, за которыми с одной стороны – пастбище, а с другой – болото и залив. Эшли немного сторбился, оттого что был намного выше коренастого Джима, и они скрепили сделку рукопожатием. Как и полагалось.

3

Если Эшли обнаружил Джима, то Джим обнаружил мисс Харкорт, Имоджен Харкорт.

Как-то он лежал по обыкновению на животе, с блокнотом в кармане, с огрызком карандаша за ухом, глядел в полевой бинокль, которым его снабдил Эшли Краутер; Джим словно приклеил бинокль к глазам, сделав его их продолжением.

Он высматривал песочника на клочке болотистого берега, одного из маленьких песочников, которые появляются здесь каждое лето, прилетают, в основном, из Северной Азии или Скандинавии; вьют гнезда на северном краю Земли, в тундре или в норвежских снегах, а затем совершают свой далёкий путь на юг.

Надо же, какая штука. Этим тёплым ноябрьским днём – солнце обжигает спину, травинки колются, и весь пейзаж ослепляет и гудит – наблюдаешь за существом, которое всего пару недель назад находилось на другом конце земного шара, а затем проделало свой путь сюда, миновав все города Азии, озера, пустыни, долины, высокие горные цепи, миновав океаны, и всё это без единого направляющего сигнала; и это существо вот-вот забелеет пятнышком на березке, попадёт в овальное поле бинокля. Это существо жило и было совершенно самодостаточным в этой своей маленькой жизни – полосатая грудка и бока, белое брюшко, жёлтые лапки, длинный клюв, исследующий заводь в поисках пищи; время от времени оно поднимало голову, чтобы издать свой особенный посвист из трёх нот. Но песочник при этом ещё и заключал, незримо, где-то внутри, тот чистый белый мир северных ледяных покровов, в его крошечной голове помещалось знание воздушных маршрутов и курсов, которые привели его сюда. Знал ли он, где расположено на карте Земли то место, куда он прилетел? Запечатлено ли в его глазках некое объёмное изображение мира, благодаря которому он знает: «Там я был столько-то ночей назад, а сейчас я тут, и останусь ещё на какое-то время, а потом улечу обратно», и он ясно понимает огромное пространство между этими двумя точками и сознаёт, что расстояние, каким бы большим оно ни было, можно преодолеть во второй раз, но уже в

противоположном направлении, потому что та, дальняя сторона хранится здесь, в его сознании, в его памяти.

От этой мысли у Джима закружилась голова. От мысли, или от солнца или от усиленных наблюдений. Он поднял бинокль, чтобы передохнуть пару мгновений, и, совершая это действие, вдруг заметил что-то необычное, мелькнувшее в объективе и исчезнувшее.

Куда же оно подевалось?

Он принялся водить биноклем вокруг, назад, немного вверх, вниз, ловя в объектив различные виды, и вдруг нашёл, что искал: лицо под шляпкой, защищавшей от солнца. Лицо было в мелких морщинках, загорелое, и в тот момент оно было сосредоточено на чём-то, чем-то чрезвычайно поглощено. Джим чуть наклонил бинокль и увидел чёрную коробку на штативе. Лицо наклонилось и скрылось за ней. Причудливая составная фигура, которая сейчас заполнила собой объектив, состояла из серой юбки, объёмной и довольно сильно запачканной, а над юбкой виднелся чёрный ящик, на который была надета шляпа от солнца. Чёрная коробка была направлена прямо сюда. Может быть, она фотографирует именно его, Джима?

Ещё одно мгновение, и он всё понял. То, за чем женщина наблюдала, был тот же песочник, на которого смотрел он всего пару секунд назад в свой бинокль. На некоторое время, оба они, сами того не ведая, сосредоточили внимание, хоть и с разных сторон, – из всего этого пейзажа и из всех его существ – на одной точке, и на одной птичке с белой грудкой.

Джим не был так уж удивлен этим совпадением. Это казалось гораздо менее необычным, чем сам этот крошечный комочек перьев, который нашёл сюда дорогу из Сибири или Норвегии. Это было так невероятно, что когда-то, причем не так давно, людям нравилось думать, будто при смене времён года некоторые птицы меняют свой облик, так же как другие – окрас, – например, что ласточки становятся жабами – да ещё и давать детальные объяснения подобного превращения: птицы собираются большими стаями в зарослях камыша у озера, стебли пригибаются под их весом, и там, где

камыш касается воды, ласточки перевоплощаются, крылья и головы их исчезают, клювы растягиваются и становятся жабьими ртами, их пронзительные крики становятся ниже и превращаются в горловой скрип; потом они исчезают под водой до тех пор, пока не настанет время им переродиться, за одну ночь, из жаб – в бесчисленную щебечущую стаю.

Тем временем штатив опять превратился в женщину. Она потопталась на месте в своей серой юбке; немолодая женщина, ей, верно, за пятьдесят, из-под шляпы выбиваются седые кудри, а на ногах у неё сапоги. Она подняла штатив, сложила его, закинула на плечо, и удалилась с остальным своим оборудованием в заросли кустарника.

Спустя какое-то время в пабе «Снасти рыболова» Джим узнал её имя, а позже уже шёл вниз по течению реки к дощатому домику, который она недавно купила, желая с ней познакомиться.

Домик был в плохом состоянии. Листы железа оттопырены от крыши, и выглядит это так, будто крыша отрастила крылья и хочет подняться из этих зарослей кустарника и приземлиться в других зарослях, на дальнем конце холма. Доски серые, в балюстраде веранды не хватает нескольких столбиков; одно из окон, в котором отсутствует стекло, затянуто желтоватой газетой... Огрызки того, что когда-то, по всей видимости, было забором, торчали тут и сям в зарослях дикого шиповника, а в самом дворе росло лимонное дерево, которое вернулось в дикое состояние, с большими бугорчатыми плодами между здоровенными шипами. На одной стороне бетонного крыльца, ведущего на веранду, стояла жестяная лохань, вся в язвочках и ржавой шелухе. Сквозь неё уже проросли побеги папоротника. На другой стороне крыльца стояли две жестянки из-под керосина, набитые сухой землей, в которых росли чудесные гвоздики, розовые и белые.

– Есть кто-нибудь дома? - спросил Джим.

Откуда-то из глубины дома раздался голос, но казалось, что он где-то очень далеко, как будто отвечающий находится в доме, в несколько раз

большем по размеру, чем этот, в доме с длинным коридором, ведущим в прохладные, богато обставленные комнаты.

– Кто там? – произнёс голос с английским выговором.

– Я, – ответил он глупо, совсем по-детски; затем добавил более басовито:

– Джим Сэддлер. Я работаю на мистера Краутера.

– Входите, – пригласил голос. – Я скоро подойду. Я в фотографической комнате.

Он перешагнул через сломанную половицу веранды, толкнул дверь и вошел. Кухня довольно чистая, но полупустая: начисто протёртый стол и один стул, чашки на крючках, дровяная плита в нише, обитой рифлёным железом. Поленья, газеты, разноцветный календарь.

– Вам придётся немного подождать, – сказал голос. – Присаживайтесь.

Этот голос, подумал Джим, не мог принадлежать той женщине, которую он видел на болоте. Он звучал моложе, как голос человека, который продолжает разговор уже сидя вблизи водонагревателя в толще мыльной воды; голос женщины занятой чем-то личным, интимным, женщины, которая, разговаривая с вами, подпускает вас к этому чему-то довольно близко, и заставляет вас испытывать неловкость по поводу того, что за пределами вашего зрения. Он был мало осведомлён о том, что происходит в фотографических комнатах; фотография была для него загадкой.

Он принялся рассматривать календарь. Английские сельские виды. Он перелистнул календарь обратно к январю, а затем снова вперёд, месяц за месяцем. Минуты шли.

– Готово! – сказала она, и вышла, прикрепляя булавкой золотые часики к загнутому воротнику блузы. Она была крупная, круглолицая женщина, а её седые кудри сейчас, когда он смотрел на них без шляпки, выглядели, как свалывшаяся шерсть, с таким же успехом это мог бы быть парик.

– Джим Сэддлер, – представился он снова, вставая.

Она протянула ему руку, которая была всё ещё влажной, видно, она только что её вытерла. Её рукопожатие, подумал он, твёрже, чем моё. Или она только для первого раза хочет быть поостроже?..

– Имоджен Харкорт. Хотите чаю?

– Спасибо, – сказал он, – если вас это не затруднит.

Он удивился тому, что здесь всего один стул.

– Я пришёл по поводу песочника, – начал он с места в карьер. – Я видел, как вы его фотографировали.

– Видели?

– Да. Я работаю на Эшли Краутера, то есть мистера Краутера, я наблюдаю за птицами по его поручению. Записываю их миграции...

Он стеснялся говорить о своём занятии, как о чём-то важном, и в итоге представил его как нечто совсем незначительное. Он никогда не мог заставить себя вымолвить слово, которым можно точно всё описать.

– Я знаю, – подтвердила она и, отступив назад, тут же вернулась с чайником в руке. – Я видела вас. Вчера, я имею в виду.

– Правда? – глупо спросил он, не привыкший к тому, что кто-то наблюдает за ним. – Ну, тогда мы уже заочно познакомились.

Она рассмеялась:

– Пожалуй. Вы пьёте с молоком?

В ту минуту она не могла сказать, подружатся ли они; пришёл ли он, чтобы поговорить об общем деле или чтобы отстаивать свои права. Он был неловок, но в нём чувствовалась какое-то достоинство. Его светлые волосы – неровно, но старательно подстриженные – торчали в разные стороны, как солома, и держался он слишком настороженно, как будто защищал клочок своей территории.

Джим тоже был озадачен. Обычно так открыто заговаривали, как бы позволяя немного заглянуть в свой внутренний мир, молодые женщины. Привлекательные женщины. Жёны, матери, незамужние тётушки обычно прятались за вежливыми фразами, не то, что Имоджен Харкорт; они больше,

чем она, пытались любезничать. И всё же она была не то, что его отец назвал бы чудачкой. Она была независимой, но ничего чудаковатого в ней не было.

Они выпили свой чай. К слову, никаких проблем из-за единственного стула не возникло. Полусидя, прислонившись к подоконнику, она вдруг стала рассказывать ему, не дожидаясь его расспросов, свою историю. Она приехала сюда из Норфолка, шесть лет назад, с братом, который собирался стать золотоискателем, для чего и отправился на гору Морган, однако не сумел сделать состояния и вернулся домой в Англию. А она решила здесь остаться. Почему? Она никак это не объяснила. Что у неё было на уме, когда она последовала за братом на другой конец света и почему она не вернулась с ним домой – этого она Джиму не открыла. Она имела небольшой доход, и ещё подрабатывала, фотографируя здешнюю природу для лондонского журнала.

– То есть птиц, – уточнил Джим.

– Не всегда. Хотя довольно часто. Этот песочник мне понравился, потому что был одной из моих любимых птиц дома – они прилетают с севера и зимуют у нас. В Норфолке, я имею в виду.

– И здесь тоже.

– Да, здесь тоже. Правда, странно? Пересечь полмира и опять встретить его. Сразу возникает тоска по дому. Тогда я быстренько навела аппарат, получился удачный кадр, и ностальгии как не бывало. Я её поймала и упрятала.

Он вдруг заметил, что мгновенно понимает почти всё, о чем она говорит. Непривычное ощущение.

– Могу я посмотреть фотографию?

– Почему бы и нет?

Она провела его по коридору, мимо какой-то комнаты, должно быть спальни, в тёмное помещение в конце коридора.

Это была лучшая комната в доме: аккуратная, хорошо обустроенная, с двумя мойками, лампой; окна комнаты завешены чёрной тканью. И ещё вот что он понял. Когда он вошёл сюда, он осознал, что не только узость помещения, в котором они находились, среди оборудования, необходимого для её увлечения, или работы, заставляет его почувствовать, что они сблизилась. Он смог увидеть, потому что она позволила ему увидеть, целый отрезок её жизни; здесь в фотолаборатории он смог узнать о ней больше, чем из её рассказа о Норфолке, брате, палаточном городке на горе Морган. Ему нравился этот порядок, профессионализм, особые знания, на которые намекало хитрое оборудование. Тут были вешалки для сухих пластинок, бутылки с реагентами, все аккуратно подписанные, резиновые перчатки, и к знакомому запаху лаванды примешивалось что-то ещё.

– Так вот, – сказал он восхищённо, как мог бы сказать и любому мужчине, – где вы работаете.

– Да, – ответила она, – здесь и ещё там, на природе.

Как он успел заметить, она всегда разграничивала понятия, поясняла, словно наводила на них фокус.

– Когда снимаешь, надо дать лишь самое необходимое количество света, а потом проявлять в темноте.

Она взяла лист бумаги, передала ему, а затем тревожно наблюдала, как он тщательно его изучает.

Это был песочник. Великолепный снимок. Видно каждое пятнышко, каждую полосочку на боку, переходящую в белизну брюшка, и острый глазик на тревожно приподнятой голове, – Джим почувствовал странное волнение, увидев знакомую птицу, но как будто в новом, другом существовании. Он также сочувственно представил те трудности, которые Имоджен Харкорт пришлось преодолеть, быстрые решения, которые ей пришлось принять, чтобы снять песочника именно в этой позе, для него характерной; Джим воображал, как её собственные чуткие глаза следили за глазом песочника, ловили его готовую обратиться в полёт настороженность.

Интересно, она хорошо разбирается в птицах? Или же ею руководило некое чутьё? *Вот он, тот момент, когда мы постигаем неповторимую жизнь этого существа. Это тоже можно считать особым талантом.*

Песочник был в резком фокусе на фоне размытой земли и стеблей травы, как будто сразу два бинокля направили в одну точку, и Джим знал, что если бы второй бинокль располагался так, чтобы фон был виден так же чётко, как и птица, на фотографии можно было бы рассмотреть и Джима, лежащего там с биноклем, плотно прижатым к глазам. Он присутствовал там, но не был виден; только он и мисс Харкорт знали, что он тоже в кадре, скрытый среди полосочек света, которые были травинками, и ещё более светлых пучков солнечных лучей, которые были бутонами крошечных цветов. Малоосведомлённому человеку было доступно только центральное изображение песочника с настороженно приподнятой головой. Но так и должно быть. Это ведь портрет песочника.

– Великолепно! – выдохнул Джим.

– Да, – согласилась она. – Я тоже довольна этим снимком.

Они смотрели на объединившую их фотографию, быстро переносясь из дня вчерашнего в настоящий момент, в котором они оказались по разные стороны от листа бумаги, изображавшего птицу, пойманную на секунду в объектив и запечатлённую, может быть, даже навсегда.

– Я должен показать это Эшли Краутеру, – сказал Джим.

Так они стали компаньонами, все трое, а неделю спустя Джим рассказал ей о «заповеднике», произнося это слово вслух впервые, так как он был уверен, что она ни за что не станет смеяться над грандиозностью этой затеи; однако он всё равно покраснел, кровь прилила прямо к мочкам его ушей.

Он никогда больше не произносил этого слова. Надобности в этом не было. Когда он говорил с мисс Харкорт или с Эшли Краутером, речь шла просто «о птицах».

4

Иногда по выходным Эшли Краутер приглашал друзей на вечеринку или на скачки в Бодезерте, и Джим отвозил их туда в плоскодонной лодке; час или два они плыли между мёртвыми белыми деревьями по солоноватой воде, её глубинные слои были цвета чайной заварки, а её верхний слой создавался намокшей пылью, которая в некоторых местах была в несколько дюймов толщиной и отливала матовым золотым блеском. Когда лодка рассекала пену, создавалось ощущение, что она плывет по облакам.

Бывало, Эшли сидел на корме, уперев подбородок в руки, а руки в колени, – тогда он напоминал статую, думал Джим – изображение какого-то бога, который ведаёт этим местом, водяную птицу, вдруг превратившуюся в человека. Девушки и молодые люди в спортивных куртках сидели в средней части лодки, здесь же лежал провиант в плетёной корзинке, закрытой на серебряный замочек, на котором было выгравировано имя дома Краутеров. Гости были изумлены, поражены, у них перехватывало дыхание; перехватывало от рассказов Джима.

– Вот она, – шептал он, отталкиваясь от дна шестом и пуская лодку вперёд по неподвижной воде, – Священная альциона. С Борнео.

Имя, которое приглушённо произнес Джим, немедленно окутало птицу тайной, тайной даже значительнее той, какую создавало великолепие её окраски и странное свечение, которым её овеивало болото.

– И вон там – видите? – яканы. Видите? Там, вдалеке. Ну вот, сейчас они заметили нас и улетели. У них гнездо на краю болота там, прямо внизу, у уровня воды. Видите их ноги? Длинные? Это для того, чтобы ходить по листкам лотоса или водяных лилий и не тонуть.

Он упёрся шестом в илистое дно, налегая на него плечом, и одновременно наблюдая, как птицы стаяй срываются с места и тут же

вплывают под кроны деревьев. Все молчали. Было удивительно, насколько это место завораживало, какую власть имело над ними. Даже Эшли Краутер, который предпочитал музыку, здесь был молчаливым и не суетился. Он сидел зачарованный. И может быть, думал Джим, это тоже музыка, такая вот тишина.

Джим и не догадывался, до какой степени эти путешествия на болото, в этом подобии Кембриджской плоскодонки напоминали Эшли об отдыхе долгими, спокойными вечерами в университете, только здесь Эшли оказывался не просто в другом полушарии, но и возвращался назад, далеко назад, в некий доантичный, доисторический, первобытный и загадочный мир (вот почему он чувствовал, что с ним происходит чудо), где птицы, на которых указывал Джим – возможно, называя их шепотом, почти вызывал их из туманов небытия – были преображёнными символами иного порядка существования. И само путешествие – несмотря на корзинку для пикника и бутылки шампанского, лежащие во льду, и девушек, одной из которых предстояло стать женой Эшли – казалось путешествием по водам в каком-то более глубоком смысле; поэтому он время от времени, оглядываясь назад, поёживался при виде Джима, налегающего с напряжением на шест, с лёгкой складкой между бровями, с зубами, впившимися в нижнюю губу; Джим казался ему воплощением фигуры, уже мельком увиденной в детстве и имеющей название в мифологии, и только сейчас ставшей реальной.

– Там, – выдохнул Джим. – Белый ибис. На самом деле, они встречаются довольно часто. Но всё равно красивые. Он поднял глаза в восхищении, и в конце фразы как будто повёл голосом вслед за медленным полетом вспорхнувших птиц. Те как будто плыли, взмах за взмахом, по тяжёлому воздуху. – А это ходулочник, видите? Видите его синюю спинку? Настоящая красота!

Они все замолкали в лодке, все изумлялись, даже те, кто в другое время захихикал бы, девушки переставали волноваться о своих волосах и о том, не помялся ли наряд, а молодые люди переставали потягиваться и зевать. Они

были так грациозны, эти существа, медленно поворачивающие свои головы, когда лодка скользила мимо; их было вдвое больше там, где вода была чистой: болотные крачки, австралийские погоныши, шпорцевые чибисы, водяные пастушки... И голос Джима завораживал своей вкрадчивой взволнованностью. До того, как они садились в лодку, Джим казался им неуклюжим и грубоватым. Потом они понимали, что он человек лёгкий, ненавязчивый, даже тонкий, а когда речь заходила о птицах, он бывал восторженным. Они видели его в новом свете и проникались к нему уважением, чего не случилось бы при других обстоятельствах.

Что до Эшли, он любил похвастаться ими – птицами. Или скорее он любил, когда ими хвастался Джим, а после, во время обеда, был очень рад, когда его гости хвалили ибиса, священную альциону, водяного пастушка, он чувствовал, что умно поступил, решив, что будет собирать образы птиц, а не фарфоровые фигурки знаменитой Мейсеновской фабрики или восточные ковры.

Но здесь, в лодке, плывущей по владениям этих таинственных существ, они влетали к нему в душу и так же быстро вылетали назад, и он думал, что с его стороны было слишком опрометчиво на что-то притязать; эти существа были такими мимолётными гостями в его угожьях – но даже и те, кто жили здесь постоянно – и те ничего не знали об Эшли Краутере. Они поражали его каждый раз, когда он появлялся здесь со своей, такой отличной от их, жизнью. Он никогда не мог до конца поверить, что он и эти существа принадлежат к одному миру. Это было всё равно, что унаследовать кусочек будущего, ну или прошлого. Именно поэтому он так трепетал, когда Джим, уверенно посредничая, давал им имена:

– Смотри, священная альциона. С Борнео.

Когда они остановились на пикник, наконец завязался разговор. Они вернулись к действительности.

– Соловей, – сказала им миссис Макнамара, – это самая красивая из всех певчих птиц.

– Никогда не слышала его, – посетовала женщина помоложе.

– Поет он очень красиво, – заверила ее миссис Макнамара. – Тебе нужно поехать в Европу. «Поверь, мой милый, это соловей!».²

– Когда я жил в Лондоне, – начал один молодой человек, – я как-то был на вечеринке в одном особняке в Твикенхэме. Была глухая зимняя пора, и всю ночь соловей насвистывал мелодии на одном из деревьев в саду. Я никогда не слышал ничего подобного. Это было чудесно. Все гости выходили группками, чтобы его послушать, такое это было чудо. Только потом я обнаружил, что пел так называемый подсадной «жаворонок» – я имею в виду, какого-то имитатора птичьего пения из музыкального театра наняли сидеть там и насвистывать, он дрожал от холода, бедный парень, и дул на пальцы в перерывах между трелями. Это просто чудо, что он не замёрз.

Европа, решил Джим, должна быть безумным местом. Сейчас, говорят, там намечается война.

Он сидел в сторонке, прислонившись спиной к дереву, и ел бутерброды, которые с собой захватил, а гости и Эшли угощались за своим импровизированным столом. Эшли приносил ему бокал шампанского и присаживался ненадолго рядом, со своим бокалом, но они не разговаривали.

Позже, когда Джим помогал дамам сойти вниз на деревянный причал, который у него был устроен в конце двадцатифутового узкого пирса, каждая из них говорила: «Спасибо, Джим», а джентльмены похлопывали его по плечу. Эшли никогда не говорил спасибо и притворялся, что не замечает монет, которые его приятели вкладывали в ладонь Джима – не хотел лишать его дополнительных заработков.

Эшли Джима не благодарил. И дело было не только в том, что Джим исполнял работу, которую его наняли делать.

---

² У. Шекспир, «Ромео и Джульетта», акт III, сцена V, пер. Б. Пастернака

Между Джимом и Эшли сложилось определённое равновесие – вроде того, что было у них в лодке. Это было настолько ясно, что не требовалось слов. Когда Эшли нужен был кто-то, с кем можно поделиться, он шёл туда, где Джим делал камышовый плотик, на который садятся свистуны, или раскладывал птичий корм, и начинал говорить путано и так невразумительно и торопливо произносил слова, что Джим часто не мог уловить ни начала, ни конца речи, хотя он не возражал. Эшли тоже был увлечённый человек, но не такой спокойный, как Джим. Джим понимал это, даже если он никогда не знал, что такое Вагнер, – что-то музыкальное, хотя и не из сферы его интересов; и когда Эшли отбрасывал все слова и переходил на свист, Джим рад был что не нужно притворяться, будто он следит за ходом разговора. Разговор Эшли был одним видом музыки, а нестройный свист другим. Джим понимал, что Эшли так выражает что-то существенное для него самого. Приняв одно, он мог легко принять и другое.

Эшли для Джима не представлял загадки, хотя Джим и не совсем его понимал. Они были похожие и одновременно разные, вот и всё, но они никогда не были ближе, чем в минуты, когда Эшли забалтывался, свистел, болтал опять, и когда они просто сидели, легко себя чувствуя в этой обоюдной тишине.

5

Война пришла в середине августа, но спокойно, как эхо выстрела, который раздался уже несколько месяцев тому назад, и за это время эхо облетело земной шар и донеслось до них.

Джим в это время оказался в Брисбене, приехал за фотобумагой и фотопластинками для мисс Харкорт и новыми сапогами для себя. К середине дня новость быстро распространилась по всему городу и продавцы газет на всех углах кричали: «Война! Война!» Эта новость появилась уже несколько дней назад, там, в странах, с которыми они не были так уж тесно связаны, а сейчас добралась и сюда.

Некоторые люди, казалось, ликовали, у других был озадаченный вид. Хозяин фотомагазина, лысый иностранец с вислыми усами, с бакенбардами, собирая в пакет покупки Джима, покачал головой и сказал:

– Плохо дело! Катастрофа! Безумие!

Может быть, думал Джим, у него родственники, которым придётся идти воевать.

– Я швед, – вдруг, неизвестно с какой стати, сказал ему хозяин фотомагазина. Никогда раньше он не упоминал свою национальность.

Но другие были полны радостного волнения.

– Только представь! – сказала ему девушка с яркими глазами в седельной мастерской, где он покупал сапоги. – Ведь ты же пойдешь воевать?

– Зачем? – наивно спросил Джим. Такое ему и в голову не приходило.

Взгляд девушки стал жёстче.

– А я бы пошла, – сказала она резко, – если бы была мужчиной. Я бы хотела поучаствовать. Проявить себя!

Она говорила страстно, но при этом в её словах слышалась горечь, то ли из-за того, что она сама не могла пойти на войну, то ли потому, что этого не желал Джим.

Когда он вышел из магазина в своих новых скрипучих сапогах, держа коробку со старыми под мышкой, он ощутил, что улицы напоены странным электричеством, как будто пока он был в магазине, внезапно нагрянул ураган, а потом так же быстро миновал, только изменил цвет неба и заставил тротуары, оконные стекла, проезжающие машины засиять новым, более ярким светом. Такие перемены могли случиться и в другой день, и он задумался, не изменилась ли в самом деле погода, и он лишь только сейчас это заметил; девушка посеяла в его душе некое семя волнения, которое здесь, на открытом воздухе, проросло и распустило свои листья, которые колыхались и мешали ясно видеть вещи. Он испытал смятение. Как будто его сбили с пути, который всего несколько минут назад вёл в ясное будущее, а

теперь неожиданно переместился в направлении Европы, где происходят события, и сейчас все оказались на опасном склоне. Именно такое впечатление производили на него окружающие. Они как будто скользили вниз по этому склону. Всё это оживление оставляло тревожное чувство, как будто вот-вот снимется с места огромная стая.

Он зашел в паб «Совет графства» чтобы спокойно выпить пива; он всегда туда заходил; это был самый тихий из пабов Брисбена.

Бар оказался полон молодёжи, которая обычно в этот час была на работе: в правительственных учреждениях, страховых компаниях или магазинах. Они перекрикивали один другого, красуясь, хвастаясь, словно у них была уже дружная рота или взвод, со смелостью, которая объяснялась тем, что их неожиданно оказалось так много; все они держали руки на плечах друг друга, как будто цепляясь друг за друга, чтобы не соскользнуть.

Когда Джим зашёл в туалет, он увидел молодого человека из этой компании, одного из самых шумных; тот упирался локтём в стену, а ладонью подпирал голову, так что он стоял как бы внаклон. Казалось, он стоит так уже долго.

– С вами всё в порядке? – поинтересовался Джим.

– Да, приятель, со мной всё хорошо, – мягко сказал молодой человек. Он выпрямился, застегнулся и, пошатываясь, ушёл. Потом Джим увидел, как он о чём-то спорит с другим парнем; выражение его лица было очень жёстким, и он тыкал своего приятеля ладонью в плечо, а тот смеялся и отталкивал его от себя.

Позже, в пабе «Критерий» Джим наблюдал ту же картину. Тут были судейские, в основном, клерки, одеты они были в костюмы-тройки, но вели себя тоже шумно. Взглянув на них, Джим проскользнул в женский зал с его бархатными драпировками и зеркалами, его большими растениями с блестящими листьями в жардиньерках. Раньше он никогда не осмеливался этого делать. Всё это странное оживление вокруг пробудило в нём смелость, но в то же время ему захотелось оказаться в обстановке более спокойной, чем

та, что царила в общем баре, где то и дело слышались шумные заверения и клятвы. Он встретил девушку – даже скорее женщину – в красной блузке и в сапогах с пуговицами.

– Вы тоже идете в армию? – спросила она.

– Пока ещё не решил, – соврал Джим.

Она посмотрела на него, как будто что-то быстро смекая.

– Вы из глубинки?

– Нет, – ответил он. – С побережья.

– А, – ответила она, хотя ей всё было едино.

Они разговорились, и, предполагая, что он скоро будет на другом конце света и неплохо бы ему обзавестись каким-нибудь хорошим воспоминанием, она пригласила его к себе домой. Он не был удивлён, он всё время знал, что их разговор идет к этому. Она была сердечная, рыжеволосая девушка с чувством юмора, склонная угождать своим мужчинам. Она смотрела на Джима насмешливо и не понимала его до конца, но уже привыкла к этому; молодые парни всегда отличались от более взрослых мужчин, хотя, в то же время, они все одинаковые. Она дотронулась до его руки.

– Да ты не бойся. Я тебя не укушу.

Он медленно, никуда не спеша, допил пиво; чувствуя себя спокойным и уверенным в себе, даже ступив на эту новую территорию. Ладно, так тому и быть.

– Ну что ж, пойдём, – сказал он, и она широко ему улыбнулась.

Снаружи горели огни и повсюду были толпы народу. Проходя по Квин-стрит, они обнаружили, что в окнах некоторых больших магазинов, универмагов, где выручку упаковывали в металлические капсулы и отправляли по пневмотрубе, были фотографии короля и королевы со скрещенными флагами по обеим сторонам – один австралийский, другой – «Юнион Джек». И улицы изменились. Как будто, в конце концов, они выбрались из летаргии и, наконец, догнали свой век.

Проехав остановку через мост на трамвае, они зашагали вдоль залива Моретон, мимо пальм и фиговых деревьев; вышли в парк, а потом, пройдя между рядами домиков, обшитых досками, они попали в постоянный дом с решетчатой верандой. Он ждал на ступенях, пока она рылась в кожаной сумке в поисках ключа, взгляд его между тем скользнул между большими стволами фиговых деревьев вниз в парк, к россыпи блестящих точек, которые могли быть светлячками, но были, конечно, зажжёнными сигаретами. Там их было довольно много. И вот, когда она уже вставила ключ в замок, тишину нарушил ужасный звук, кричала женщина, потом слышались проклятия нескольких мужчин.

– Ну и ну, – сказала она, удивлённая, что Джим остановился и обернулся, – дикари! – потом повторила это, как будто он не понял:

– Дикари!

Послышался удар. Звук бьющегося стекла. Бутылка ударилась о ствол дерева, а затем в свете фонаря появилась фигура, чёрный силуэт, который оказался мужчиной в белой рубашке; мужчина закрывал руками лицо, по которому стекала кровь. Он заплетающимся шагом ходил вокруг, но очень легко. Это было похоже на грациозный танец, который он в одиночку здесь совершал, но танец прервала другая фигура, вылетевшая из мрака и повалившая его. Послышались глухие удары, затем хриплый женский смех.

– Варвары, – сказала девушка с холодным отвращением, как будто это были определённые ритуалы, хоть жестокие и ужасные, но вполне обычные и недостойные внимания.

– Так ты всё-таки зайдешь? Чего стоишь как дурак!

Ее звали Конни. Джим был достаточно доволен собой, и ей тоже. Джим возвращался рано вечером, по все еще оживлённым улицам, заполненным пьяными молодыми людьми, покачивающимися в свете фонарных столбов; молодые люди взволнованно разговаривали друг с другом, некоторые из них были с девушками; вдруг Джим почувствовал, что теперь он воспринимает это действие гораздо проще. Может, это касается его, а, может, и нет. Он

ощутил то, что составляет суть мужского существования, что известно только ему и тем другим, пусть даже незнакомцам, которые тоже сумеют это в нём разглядеть.

Он стоял у входа на мост и смотрел на тёмные воды реки, кишашей огнями, и наблюдал, как тлеющий окурок сигареты описывает широкую дугу к поверхности воды. Ничего не изменилось.

Вернувшись в пансион, где он обычно останавливался, он уснул, но вскоре был разбужен громким шумом с улицы, и, выйдя на балкон, а с ним ещё несколько постояльцев, увидел процессию, шагающую по направлению к ним; и казалось, что эта процессия состоит из тысяч людей. Он никогда раньше не видел такого огромного скопления людей.

В основном, это были молодые люди, некоторые из них в форме военных моряков; были тут и женщины всех возрастов, и они все кричали, приветствовали мужчин громкими возгласами и хором напевали отрывки из песен. Во главе толпы, на плечах одного из одетых в белую форму моряков, сидел любимец толпы – белобрысый паренёк в шотландской юбке – и размахивал руками среди развевающихся флагов. Он даже в некоторой мере казался значительным – толпа выбрала его символом, – и вдруг Джим почувствовал себя встревоженным; он сам не мог сказать почему. Может, дело было во времени суток. Всеобщее бесцельное оживление, которое не могло найти точки применения, и, наконец, объединилось в процессию, мчащуюся теперь через улицы и сметающую все на своем пути. Это в сонном-то Брисбене! Добро бы в Париже или где-нибудь ещё: жизнь, пульсирующая в ночи, люди, марширующие за руки и распеваящие лозунги. Толпы народа обеспокоили Джима. Он спрашивал себя: неужели теперь так будет всегда? Сможет ли он к этому привыкнуть?

Один из старожилов пансиона, который делил с ним комнату, все ему объяснил. Они все шли, вся эта огромная толпа, с Рыночной площади, где слушали речь лорда-мэра. Шумные предвестники процессии, крикливая молодежь, размахивающая плакатами, они только сегодня завербовались в

городской ратуше; говорят, их более пятисот человек; они уже считают себя солдатами, свободными от гражданских пут. Для них уже началась война.

Джим смотрел на это действие и думал, так ли уж оно его не касается. Когда он снова лег, то не смог заснуть. Где-то вдалеке всё еще раздавались отдельные слабые выкрики «ура», и до него доносились обрывки отчасти знакомых ему мелодий: ирландской песни «Мы армия старых вояк» – им нравилась эта, они пели её дважды – и более торжественной, «Боже, храни короля». Лёжа на спине со скрещенными под головой руками – обычная, хотя и не самая патриотичная поза – он воображал, как дружно умолкают, а затем, набрав в грудь воздуха, снова начинают петь участники процессии. А, может, это всё не шутка?

Утром Джим застегивал рубашку, стоя у окна, и опять смотрел на улицу – там все замусорено трамвайными билетами и затоптанными листами газеты, и разгуливает западный ветер, – а затем на плоско раскинувшийся город с его дощатыми домиками, в сторону заветных холмов.

К полудню он уже был дома.

– Как там себя чувствует Брисбен? – поинтересовалась мисс Харкорт.

– Ну, – сказал Джим, – знаете. Война. А так ничего важного.

На какое-то мгновение в глазах мисс Харкорт мелькнула тревога, и Джим уже подумал, уж не хочет ли она его спросить насчёт военной службы. Но она не спросила.

Джим провёл рукой под носом – он уже два дня не брился, и у него стали пробиваться усы.

6

То были дни грандиозных миграций, последние дни августа и начала сентября, и Джим проводил долгие часы, наблюдая и записывая прилёты новых птиц – мисс Харкорт называла их первыми «беженцами» – странное

слово, он всё думал, где она могла его услышать. Он вот никогда его не слышал.

Сначала он увидел трёх ласточек, они прилетели с островов, чтобы гнездоваться здесь; большие стаи этих птиц неожиданно появились тут накануне вечером и уже занялись переделкой старых гнезд; затем ржанку и исландского песочника, различных куликов; вот пролетел одинокий большой улит; затем острохвостые кулики, песочники с Балкан, средний кроншнеп, тулес, дальневосточный кроншнеп, японский бекас, белопоясничные стрижи из Сибири; потом, намного позже, к концу года, тут появились мородунка и тиркушка луговая, они были в одной стае с местными птицами, но их легко можно было отличить. Он заполнял тетрадь за тетрадью своими наблюдениями, аккуратно записывая цифры и даты прилёта.

Когда он снова увидел знакомых птиц после стольких месяцев отсутствия, в чётком овале своего бинокля, с фрагментом местного пейзажа за ними, с пучками травы, камышами, морем травинок, он испытал душевное волнение. Он быстро достал из своего кармана сложенный блокнот в красной клеёнчатой обложке и огрызок карандаша из-за уха, и, всё ещё наблюдая за птицами, сделал свои неразборчивые заметки. Большее волнение вызывали в нем записи, которые он вносил в Книгу.

Занося записи в Книгу – на страницу помещалось четыре-пять птичьих описаний – он выводил слова старательно, как в школе, с завитками и хвостиками на заглавных буквах, хотя обычно, когда он делал заметки в блокноте, он не следил за почерком. Записи в Книге были делом серьёзным. Они давали существу, через его имя, постоянное место в мире, как и фотографии мисс Харкорт. Имена были волшебными. За каждым из них, угадывалась как реальная птица, с её особенными признаками и её особым голосом, так и целый вид, со всем своими особенностями питания, привычками, предпочтением той или иной среды обитания, типом гнездования, количеством птенцов и т.д. Джим превращал имена в буквы – птицы будто изымались из воздуха и воды, и попадали в Книгу. Отводя им

место в Книге, Джим, таким образом, наделял их новым существованием, признавал их право на эти земли или на какую-то их часть, давал убежище в «заповеднике».

Он делал свои записи в определённое время и в определённом расположении духа. Удобно направив лампу, он выбирал хорошую ручку и лучшие чернила; он был полностью поглощён этим занятием, сосредоточиваясь, как давным-давно на первых уроках чистописания, когда он впервые, довольно неохотно и совершенно не понимая, зачем всё это нужно, учился выводить круглобокие буквы. Сейчас он с удовольствием добавлял завитки к заглавной А и загнутый хвостик к заглавной Щ. Он был доволен и горд своей работой; каждую неделю он мог показывать Эшли, что добавил нового.

– Красиво! – говорил Эшли о записанных именах. Даже настоящие птицы, созерцанием которых он наслаждался молча, не вызывали у Эшли подобного воодушевления. И это было правильно! Джиму нравилось получать словесную похвалу Книге, а за настоящими птицами – как легко и просто они возносятся из воды в воздух – он тоже любил наблюдать молча: так что восприятие Эшли было под стать его собственному.

Когда Эшли и Джулия Белл поженились в конце года, Джим подарил им первую из Книг; не как свадебный подарок, это было бы слишком самонадеянно, ведь Книга так или иначе уже принадлежала Эшли, а просто в знак события. К ней прилагались первые снимки, которые сделала мисс Харкорт.

Приложение 2. Текст оригинала